

АЛЕКСАНДР
ИЛИКАЕВ

СЛАВЯНСКИЕ БОГИ

Все мифы и легенды

Мифы и легенды народов мира (Эксмо)

Александр Иликаев

**Славянские боги.
Все мифы и легенды**

«Эксмо»

2025

УДК 398.2(=16)

ББК 82.3(2)-6

Иликаев А. С.

Славянские боги. Все мифы и легенды / А. С. Иликаев —
«Эксмо», 2025 — (Мифы и легенды народов мира (Эксмо))

ISBN 978-5-04-228757-2

«Славянские боги. Все мифы и легенды» — это наиболее полное собрание мифов о славянских богах. Все предания были воссозданы на основе подлинных исторических и фольклорных источников. Перебирая старинные кошуны, так в Древней Руси называли мифы, читатели погрузятся в чарующий мир славянских богов. Любителей отечественной мифологии будет ждать встреча с самым первым из славянских небожителей, владыкой времени Прабогом-Родом, прекрасной богиней плодородия Сивой-Живой, чарующими природными духами — вилами. Читатели также узнают о подвигах владыки неба Сварога, его детей — громовержца Перуна, бога-всадника Дажьбога-Радегаста и богини-чародейки Мораны-Макоши, а также приключениях самых юных небожителей — Ярилы и Деваны. Издание дополняет рассказ о священных знаках-рунах древних славян, сохранившихся в предметах быта, в вышивке, а также словарь славянских богов и указатель-комментарий использованных автором материалов. Книга станет лучшим подарком даже самым взыскательным любителям славянской мифологии. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 398.2(=16)

ББК 82.3(2)-6

ISBN 978-5-04-228757-2

© Иликаев А. С., 2025

© Эксмо, 2025

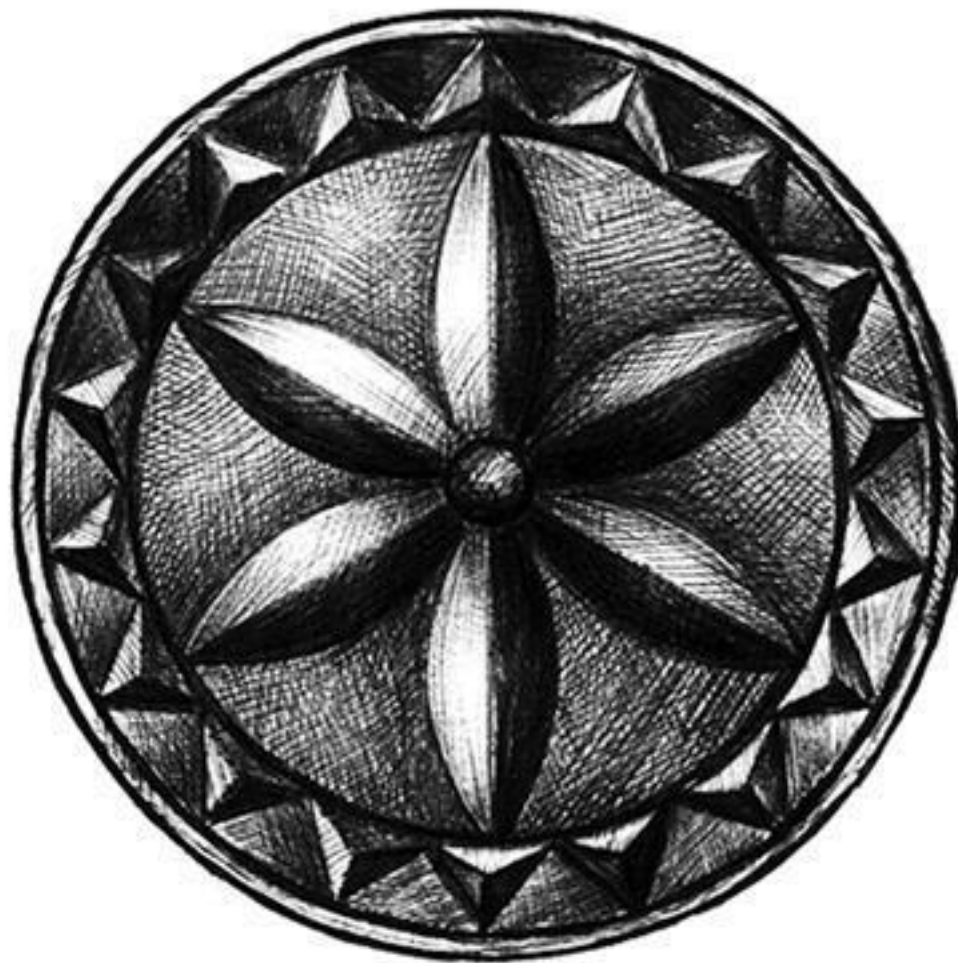
Содержание

К читателю	8
Вступление	11
Скиф и богиня Апи	17
Словен	19
Меч Словена	20
Венд и его сыновья	22
О том, почему скифы прозвались словенами	23
Кошуна первая	24
Прабог и многоголовые боги и великаны	25
Дети Стриба и Подаги	28
Триглав и Световид	30
Мир из яйца	35
Световид и Триглав творят землю	37
Мировое древо	41
Мужество и изменчивость	42
От золотого века к медному	43
Месть Дивии	44
Рогатый пастух звездных стад	47
Велес, Ния и их дети	48
Небесная семья Сварога и Лады	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Иликаев

Славянские боги. Все мифы и легенды

*То не просто двор – крыт он черной тучей, а обнесен злым ветром.
На том дворе во домовине лежит гадуница Яга, ногой птичьей дверь
подпирает, носом дыру в потолке затыкает. Услала она гусей своих
пасться да ночь-ночевать, одна на дворе осталась колдовство творить.
В. Богданов.
«Гуси-лебеди»*

Серия «Мифы и легенды народов мира»

© Иликаев А., текст, 2025

© Аверьянова Е., иллюстрации, 2025

© Графова И., иллюстрации, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

К читателю

Уважаемый читатель! Вот и вновь пришло время обратиться к богам древних славян¹. На этот раз тебе предстоит не только прочесть некоторые, уже полюбившиеся мифы, в исправленной и дополненной редакции, но и встретить совершенно незнакомые сказания, которые не успели поведать уста Вещего Бояна, а также открыть таинственный мир славянских рун – черт и резов.

За пару лет, прошедших с момента выхода «Большой книги славянских мифов», появилось сразу несколько интересных работ, в том числе в сети Интернет. В первую очередь хочется отметить напечатанную в 2021 году в русском переводе книгу словацкого автора Я. Слушны «Все славянские мифы и легенды». Несмотря на ряд недостатков и описание далеко не всего славянского пантеона, автор постарался собрать по достоверным памятникам средневековой книжности и фольклора сохранившиеся предания о славянских богах и даже привести их в какую-то систему. Большим плюсом данного издания является то, что в конце книги приведены комментарии к мифам, где автор указывает, на основании каких конкретно источников был воссоздан тот или иной сюжет.

Совсем скромной, рассчитанной прежде всего на детскую аудиторию, является брошюра серба В. Алексица, в которую вошли мифы о богинях Ладе и Живе, а также громовержце Перуне. Несмотря на небольшой объем, составитель прекрасным художественным языком сообщил немало сведений о языческих представлениях и обрядах южных славян. Хотя отдельные сюжеты, скорее всего, являются примером фантазий на темы славянской мифологии, как некоторые сказки А. Толстого, нельзя не отметить, что В. Алексиц обнаружил отличное владение фольклорным материалом. Эта книга, в отличие от предыдущей, на русский язык осталась непереведенной.

Настоящим событием стал выход научно-популярной работы А. Барковой «Славянские мифы от Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы» в серии «Мифы от и до» в издательстве «Манн, Иванов и Фербер». Несмотря на то что работа не является сборником пересказов славянских мифов, она достаточно полно описывает некоторые основные проблемы изучения славянской мифологии с точки зрения современных ученых.

К несчастью, в отличие от своих предшественников, некоторые авторитетные и уважаемые российские исследователи славянской мифологии убеждены в принципиальной невозможности достоверно восстановить предания о славянских богах. Они призывают ограничиться тем немногим, что дошло до нас в письменных источниках XII–XVII вв.: перечислением имен славянских богов в летописях, их описаниями и функциями. Например, по мнению уже упомянутой А. Барковой, бесполезно искать следы сюжетных мифов в славянском фольклоре, поскольку сказки и былины собственно мифами не являются.

Автору данной книги все-таки ближе позиция тех ученых, которые настаивают на необходимости и правильности научной реконструкции сюжетных повествований о славянских богах, в том числе на основе использования наиболее архаических сказочных и былинных сюжетов. Кстати, вопреки собственным же заявлениям, А. Баркова прекрасно использует сюжет былины «Добрыня и Маринка» для восстановления мифа о богине Марене².

¹ В новый сборник вошли только мифы о славянских богах и прародителях. Желавшие ознакомиться с преданиями о первых князьях могут найти их в ранее вышедшем издании: Иликаев А. С. Большая книга славянских мифов. Москва: Эксмо, 2020 (Мифы и легенды народов мира).

² Баркова А. Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2022. С. 170–174.

Тем не менее сразу хочется предупредить читателя о том, что предлагаемое собрание мифов является художественным переложением либо действительно дошедших до нас обрывков сведений о славянских богах, наиболее архаического фольклора, либо переложением сделанных профессиональными историками и фольклористами реконструкций, а не «переводом» неких древних текстов.

Возможно, что такие оригинальные, написанные самими древнерусскими авторами тексты (скорее всего, на бересте) еще ждут своего Шлимана, но пока науке они неизвестны. Распространяемая энтузиастами-любителями (в основном не являющимися историками по образованию) «Влесова книга» (или «Велесова книга»), к сожалению, не поэма новгородского волхва IX века, дошедшая до нас на буквых дощечках через столетия, а сочинение в стиле фэнтези талантливого русского писателя Ю. Миролубова, в 1953–1959 годах выданное автором и его душеприказчиками за подлинный древний текст.

Но, как и образ певца Вещего Бояна, имя Киприана не выдумка. Если Вещий Боян уже во многом легендарная фигура, то этот церковный деятель, летописец и русский книжник XVII века – вполне исторически достоверное лицо. Киприан относится к целой плеяде средневековых русских писателей, среди которых выделяются имена Деметрия, Ермолая-Еразма и Ивана Курицына. Именно им мы обязаны такими шедеврами русской средневековой литературы, как «Сказание о князьях Владимирских», «Повесть о Петре и Февронии», «Сказание о князе-воеводе Дракуле».

* * *

В чем заключается своеобразие повествований о славянских богах? Славянские боги грозны, сластолюбивы, коварны, но отходчивы. Они не столько пытаются выяснить отношения между собой и расшатать устои, сколько постоянно «достроить» созданный мир. Следование живому духу мироздания, воплощенному в том же Прабоге-Роде, в конечном счете для них превышает родовых склок и мелочного исполнения мертвой буквы «закона». В этом смысле образы славянских богов где-то даже архаичнее образов богов германо-скандинавской «Эдды».

Так, очень характерной для восточнославянских сказок и былин является фигура мудрой девы-воительницы (поляницы), выступающей под именами Царь-девицы, Марьи-царевны, Василисы, Елены Премудрой, Елены Прекрасной, Синеглазки, Усони. Но если в скандинаво-германской традиции великанша С кади при всей ее красоте и мужественности не отличается большим умом и знанием ремесел, то славянская героиня, подобно греческой богине Афине, не только обладает проницательностью, умением мастерить различные вещи, врачевать, но и чародейским даром.

Если в скандинаво-германской традиции Бальдр, юный прекрасный бог, исключительно пассивен, а Тор, мягко говоря, напоминает железобетонного громилу, то славянский персонаж Иван-царевич (Дажьбог, Ярила) – активный и смекалистый герой. Его деяния – образец достижения наивысшего успеха. По небесному повелению или по собственному долгу славянский герой призван выполнить некую опасную и сложную задачу, связанную с риском и героизмом, и при этом он проходит через такие испытания, которые и делают его достойным статуса царевича, по существу, бога.

Напротив, в других случаях славянские небожители, даже если судить по сохранившимся крохам сведений о них, параллелям с богами балтов, развились до неких абстрактных образов. Так, богиня Лада стала просто символом семейного счастья и уюта (отсюда слова и выражения: ладный, мой лада, ладоваться, уклад). Грозный громовержец Перун стал простым обозначением молнии (отсюда выражение: метать перуны, то есть метать громы и молнии, жутко сердиться).

Еще одной характерной чертой славянской мифологии явилось ее глубокое проникновение в быт и фольклор. Славянские храмы, изваяния богов, не сохранившиеся до наших времен, словно воскресли в русской народной вышивке, каменной и деревянной резьбе. Немало древних образов сохранилось в сказках, песнях и пословицах. Впрочем, некоторые подлинные изображения славянских богов все-таки чудом дошли до нашего времени. Например, так называемый Збручский идол. Исследователи считают, что на нем запечатлены сразу четыре божества: Перун, Велес, а также богини Лада и Макошь.

Вопреки некоторым расхожим представлениям, славянское язычество, хотя и знало суровые обряды, все же по сравнению со многими дохристианскими религиями было относительно мирным. Известные из русских летописей и греческих хроник факты человеческих жертвоприношений не имеют никаких убедительных археологических доказательств. Неудивительно, что до сих пор являются в народе любимыми такие восходящие к языческим временам праздники, как Масленица, Иван Купала, Святки и многие другие.

Так давайте отодвинем незримую завесу времен и попробуем заглянуть в ту далекую и седую пору, когда люди не просто сжигали чучело Марены, провожая опостылевшую зиму, а верили в то, что это возвращается к своему супругу Дажьбогу (Радегасту, Сварожичу), олицетворению солнца и лета, богиня Морана-Макошь. Когда в разрывах грозowych туч и сверкании молний славяне видели разъезжающего на огненной колеснице громовержца Перуна. Когда далеко на западе, в священной Арконе, гордо высился над синим морем храм четырехглавого владыки вселенной Световида и важные седобородые до пят жрецы в разноцветных одеяниях принимали дары от многочисленных паломников...

Вступление Последний волхв

*...Битвы горячие, скованные из железа,
воспевались нашими предками
в их военных песнях.
Кто теперь поет нам ваши песни?
Чернобога из древнего царства,
ставшего обиталищем ворона,
старый алтарь стал просто камнем,
поросшим зеленым мхом.*

*Г. Зейлер.
«Гимн лужицких сербов»*

На южном берегу Ильмень-озера притаился городок Старая Русса. В прежние времена звался он Городом Руса, или просто Русью, и это же имя носила вся область к югу от него. В седой дали времен теряется год возникновения первого поселения славян на землях древнего Севера.

Когда славяне, возглавляемые вождем Русом, только пришли в эти суровые места из страны скифов и ставанов³, здесь обитали племена белоглазой чуди. Озеро носило название Мойско, а река, впадавшая, а потом вытекавшая из него, – Мутной.

Чудской народец был невысокого роста, но сказочно богатый. Жили чудины в пещерах и лесах, питались дичиной и одевались в косматые шкуры. Источником богатства местного населения были разного рода чародейские заклинания и волшебство. Управляя бурями, дождем и солнцем, возводя земляные крепости, господствовали чудины над всей местностью. Самые могучие колдуны из их числа могли летать на камнях и копьях. Духи помогали чудинам разводить множество скота и содержать его в загонах из плетеных прутьев.

В чудских жилищах под горами разливался свет не хуже солнечного. Чудские рудокопы добывали редкие камни, а чудские кузнецы отливали тончайшие украшения из бронзы. Некоторые из них изображали людей верхом на ящерах и лосях.

Еще говорят, что голоса чуди отличались дивной красотой. Эти голоса предвещали разные события. Мужчины охотились, кормя свои луки кровью убитых животных, а женщины приносили туши и шкуры в жертвы звероголовому и крылатому богу Илмару.

Так продолжалось до тех пор, пока не появились славяне и не стали рубить вековые деревья, под густым пологом которых чернели мрачные колдовские мольбища.

Сначала чудины остервенело оборонялись в своих земляных крепостях. Но что могло остановить людей, возглавляемых отважным Русом? Пришлось белоглазому народцу бежать глубже в леса. Лишь немногие чудины остались на прежних местах жительства, заключив со славянами прочный союз. От них впоследствии пошли народы весь, меря, мещера, мурома, черемисы, мордва и вотяки.

Бросились женщины чудинок творить заклинания. Но даже поднявшиеся из мерзостных болот тени не смогли одолеть дружины пришельцев.

³ Еще М. Ломоносов высказал мнение о тождестве племени «ставаны», упоминаемого в «Руководстве по географии» Клавдия Птолея, славянам.

Тогда старейшины решили обратиться к самому Илмару. Долго ждали они, когда Илмар покажется на макушке высокой березы. Наконец дождались. Вдруг раздался сильный гром, и до старейшин донесся голос:

– Что вам от меня нужно?!

– Явись к нам! – закричали люди. – Прогони чужаков!

Еще сильнее загремел гром.

– За то время, пока я оставался на небе, я стал слишком страшен. Если я покажусь вам, то еще прежде чужаков вы умрете от одного моего вида.

Испугались люди, но тут взял слово мудрый старец-чудин.

– Я слышал от своего деда, а тот от своего, что когда-то ты мог принять образ любого животного или птицы.

Расхохотался Илмар, мол, будь по-вашему. Не успели люди опомниться, как увидели на вершине березы красную белку.

Вскинули охотники луки, чтобы подстрелить Илмара и таким образом заставить его остаться на земле. Полетели стрелы, и белка кубарем покатила на землю.

Обрадовались охотники, подбежали к добыче – смотрят, а это только беличья шкурка. Тут какой-то юноша заметил вспорхнувшего с ветки березы рябчика. Снова запели стрелы, и сраженный рябчик, роняя перья, упал в протекавшую поблизости речку. Юноша бросился за птицей и уже вытащил ее из воды, как вдруг Илмар обернулся окунем и, оставив в руках рыболова несколько чешуек, ушел на дно.

Вот так и сохранились у белоглазой чуди в память о своем боге три предмета: беличья шкурка, перо рябчика и рыбы чешуйки. Да какой толк был от них? Только спрятать в короб...

Долго думали старейшины, как им поступить дальше. Пробовали призвать ворона, извергающего гром и молнию, рогатого бога Шур му, требовавшего человеческих жертв, и даже владыку северного ветра Войпеля. Но ни ворон, ни Шурма, ни Войпель не откликнулись на их просьбы.

Наконец белоглазая чудь решила, что сам Илмар указал путь. Тогда те, кто мог, превратились в птиц и улетели в небо. Еще одни стали рыбами и скрылись в реках и озерах. Ну а третьим известно, куда была дорога – под землю.

Для того расширили чудины входы в свои пещеры, укрепив их высокими столбами. День и ночь тянулись в них стада, возы с поклажей, женщинами, детьми и стариками... И вот, когда показались на конце поля дружины Руса, чудины подрубили столбы за собой и навечно скрылись от людских глаз.

Говорят, что под землей чудины превратились в злых духов. С тех пор они стали выходить наружу только безлунными темными ночами, прятаться в заброшенных жилищах, банях и речных омутах. Хотя чудины стали невидимы, об их присутствии можно догадаться по следам птичьих лап или детских ног⁴.

* * *

...Впоследствии напротив Русы, на северном берегу озера Мойско, князем Вендом, сыном Руса, был срублен Новый Город, или просто Новгород. Озеро стало называться Ильменем, а река Мутная – Волховом...

⁴ Известны русские легенды о том, что чудь превратилась в злых духов, которые укрываются в темных местах, заброшенных жилищах, банях, даже под водой. Они незримы, вредят людям и могут подменять их детей своими. Это роднит чудь с феями ирландского фольклора.

...Между тем сменилось несколько поколений правителей. Первая столица Руси хирела и ветшала. В одно время, при Рюрике и Вещем Олеге, она даже стояла заброшенной, став прибежищем упырей и леших.

Но вот в год 1136 от Рождества Христова всколыхнулся народ в Новгороде против власти великих князей киевских. Сказали люди:

– Русью всегда из Новгорода правили! Хотим жить, как жили при прадедах и дедах, при Гостомысле и Вадиме Храбром!

Так возник Господин Великий Новгород – великая земля, неподвластная никакой чужой власти.

Скоро народу стало тесно в столице в устье Волхова. Тогда предприимчивые купцы и потянулись на другой берег Ильмень-озера, в город прашуров.

Снова в старом городе Руса загорелись в домах огни, из печных труб потянуло теплым дымом и запахом кислого хлеба...

...Почти пятьсот лет сияло на небе красное солнце Господина Великого Новгорода. Не было на Руси богаче и сильнее земли. Отважные новгородцы смело пускались на своих крутобоких ладьях в далекие морские путешествия. Поморы, промышляя зверя и рыбу, добивались до самого Груманта⁵, не боясь жестоких бурь и суровых льдов.

Отряды купцов и ушкуйников, речных грабителей, в поисках ценных мехов переваливали через Каменный пояс, древние Рифейские горы или плыли вниз по Волге, достигая берегов Хвалынского моря, предавая огню и мечу богатые болгарские города, набивая челны червонным золотом и шелками.

Но чем больше раздувались пуза «золотых поясов» – трехсот городских владык, чем громче звучал их голос на вече, заглушая звон колокола, сзывавшего люд на собрание, тем слабее становился Новгород. Богачи больше думали о том, чтобы стать еще богаче, а не о защите родной земли.

По своей прихоти приглашая князей, а потом бесславно изгоняя их, «золотые пояса» истощили силу Господина Великого Новгорода. Простой люд – ремесленники, земледельцы, торговцы – беднел. Неудивительно, что, когда гнев московских государей навис над городом, ополчение с крайней неохотой выступило в поход. Не хотел народ сражаться за кошельки толстосумов...

...Наконец наступил 1478 год, когда Руса вместе со всеми новгородскими землями вошла в состав Московского великого княжества. Государь Иван III смирил гордыню свободолюбивых новгородцев. У вечного колокола, сзывавшего людей на собрание, был вырван язык, а сам колокол увезен в Москву.

В 1565 году Иван Грозный выделил теперь уже Старую Русу в состав опричных земель, что оградило ее от притеснений и издевательств опричников. К тому же в окрестностях города располагались богатые соляные промыслы. Но зимой во время Ливонской войны Старая Руса была захвачена и почти дотла сожжена польско-литовскими отрядами, которые разорили город и его окрестности.

Осенью 1608 года в Старую Руссу, так теперь стало по греческому образцу с двумя буквами «с» писаться название города, вступили шайки Лжедмитрия II, которого чаще просто называли «тушинским вором». Но уже весной следующего года во время похода на Москву русско-шведские полки под командованием Федора Чулкова и Эверта Горна отбили Руссу у тушинцев...

⁵ Старинное русское название Шпицбергена.

* * *

Зрелый муж с еще мягкой, как у отрока, бородой и серыми глазами нетерпеливо переступил порог комнатки с низкими сводами. Это была самая светлая монастырская келья, которая могла похвастаться забранными в толстый свинцовый переплет слюдяными окошками. Свет осеннего солнца падал на разложенные на столе книги и груды очиненных гусиных перьев. Тут же лежали ветхие свитки, пергаменты и берестяные грамоты...

Едва затворив дверь, Киприан с головой погрузился в чтение. Это было его само любимое занятие. Только в прошлом году он стал архимандритом новгородского Варлаамиева Хутынского монастыря. Киприан был уроженцем Старой Руссы. Он даже подписывался как Старо – ру сен ко в.

Больше всего Киприан не любил кичливости киевских и хорватских заезжих книжников, которые называли новгородские летописи о старобытных временах «оплеванными временем баснями».

– Что же выходит, – спрашивал себя Киприан, – Рюрика призвали на пустое место? Разве о Новгороде никто и слыхом не слыхивал прежде 859 года от Рождества Христова? Разве прежде не был у нас Гостомysl, а прежде него – Буриной?

И тут глаза Киприана загорались огнем, и мысль уносилась в седую даль времен. Архимандрит превращался в настоящего потомка гордых новгородских волхвов. Долгие века эти седобородые до пят старики следили за тем, чтобы горели священные костры и приносились богам обильные жертвы.

В те отдаленные времена не только мужи, но и жены отличались силой и крепостью духа. Бывало, что, когда в битве складывал голову славянин, вдова и наложницы героя добровольно всходили на погребальный костер, показывая, что отныне присоединяются к крылатым девам-вилам, которые, опускаясь на поле брани, уносят павших воинов в Ирий. После этого женщину подымали высоко над воротами и спрашивали:

– Видишь ли ты пращуров?

На что та отвечала:

– Вижу!

Когда уже все было готово, и умащенное благовониями тело почившего воина, и все оружие и имущество сложено в погребальную ладью, являлась безобразная старуха с ножом и умерщвляла вдову героя и его наложниц.

Таковы были жестокие нравы русичей до того, как крестил их Владимир Святославович и сделал подобными немощным телом и разумом грекам. До тех же пор гордые князья, ведшие свой род от самих Велеса и Дажьбога, не склоняли ни перед кем головы.

Хуже того, прежде свободных людей обложили даяниями. Бояре захватили самые лучшие поля, луга и леса. Перегородили неводами реки и озера. Было повергнуто наземь, иссечено, исколочено, сожжено множество древних прекрасных изваяний. Мало того, греки, приезжая на Русь, смотрели на нее как на дикую, населенную варварами страну, рассказывая жуткие небылицы о нравах местных жителей.

Боги славян, искони опекавшие своих чад, были объявлены бесами, кощунны об их деяниях сожжены, изрублены в крупу и преданы забвению. И только по глухим окраинам еще продолжали гореть священные костры и приноситься жертвы. Но таких мест становилось с каждым годом все меньше и меньше. Волхвы понимали, что дальше поношение древней веры терпеть нельзя...

Один из них еще в 1071 году явился при князе Глебе Святославовиче в Новгороде. Тогда весь простой люд встал за кудесника, обещавшего перейти Волхов на глазах у всех как посуху.

Но хитрый князь, видя, что против народа ему не выстоять, решил пойти на бесчестный поступок. Спрятав топор под плащом, он подошел к волхву и спросил:

– Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?

Тот, не подозревая о коварстве Глеба, ответил:

– Знаю все.

И сказал князь:

– А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?

– Чудеса великие сотворю...

Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал служитель отческих богов мертв, и люди разошлись. «Волхв же погиб телом и душой, отдав себя дьяволу...»

Последнее утверждали потом неразумные греки, не сведущие в славянских священных книгах, велевшие жечь их, чтобы лишить новгородцев своей памяти.

Долгие пять столетий, пока возвышалась и гнила слава Господина Великого Новгорода, волхвы берегли древние знания. Не записывая их, передавали из уст в уста. Некоторые из волхвов становились знатными людьми, посадниками и даже архиепископами.

Однако, соблюдая христианские обряды, они не оставляли и тайного служения славянским небожителям. Прежде всего, владыке времени Прабогу-Роду, а также Иесе-Ящеру и Моране, известным как Змияка Перун и Волховская Коровница...

...И вот когда в конце XV столетия при государе Иване III был снят вечевой колокол и увезен из Новгорода в Москву, решили волхвы, что настало время славянам вспомнить свою свободу, вернуть времена Гостомысла и Вадима Храброго.

Во главе восстания встал Иван Курицын по прозвищу Волк – дьяк Великого князя Московского и Государя всея Руси Ивана III. Еще прежде он написал «Сказание о Дракуле-воеводе», где изобразил кровопийцу и сыроядца московского царя в образе жестокого валашского господаря Влада Цепеша. Но заговор Ивана Курицына был раскрыт. Дьяка завели в сруб и со многими другими новгородцами сожгли.

И снова пришлось затаиться волхвам. Но сколько можно так было пребывать в неизвестности? Если не получилось вернуть власть волхвов, значит, следовало тихонько учить московских государей тому, что Деметрий Эразмий⁶ был не прав, и славянский род древен, что родословная его правителей куда славнее родословной римского кесаря Августа и вождя Пруса.

А были еще династии местных правителей, взять хотя бы древний род муромских государей. Из бытовавших в тамошней земле преданий Ермолай Прегрешный составил прекрасную книгу о князе Петре и деве Февронии, отмеченную не только простым и ясным слогом, но и исполненную глубокого смысла...⁷

...Оставляя в стороне мысли о недавних горестных временах, Киприан положил перед собой чистый лист пергамента, потом взял в руки перо, зачерпнул его в чернильницу и начал писать.

⁶ Речь идет о русском книжнике и дипломате Дмитрие Герасимове (лат. Demetrius Erasmius, ок. 1465 – после 1535 или 1536 г.), возможном авторе «Сказания о князьях Владимирских» – памятника русской литературы XVI в., который использовался в политических целях. «Сказание» излагает легенду о происхождении великих князей от брата римского императора Августа по имени Прус. По сказанию, Прус был родственником Рюрика, а Владимир Мономах получил царские регалии (в том числе Шапку Мономаха) от византийского императора Константина Мономаха.

⁷ Имеется в виду «Повесть о Петре и Февронии Муромских», созданная писателем Ермолаем Прегрешным в самом начале царствования Ивана Грозного (конец 1540-х гг.) на материале местных муромских преданий.

Скиф и богиня Апи

Государь Михаил Федорович, царь всея Руси! Вели не казнить, а слово молвить, о кощунах праотческих, корне народа славянского поведать.

Начну же свою повесть с древних времен, когда прославленный греческий герой Геракл, с дубиной и тугим луком за плечами, гоня быков Гериона по берегу Ирийского моря⁸, прибыл в страну борусков. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его быки непонятным образом исчезли.

Пробудившись, Геракл исходил всю пустынную страну в поисках быков и наконец прибыл в Гилею⁹. Эта область была покрыта густым лесом, росшим в той части могучего Борисфена-Словутича¹⁰, где он широко вливался в море.

Там, среди зарослей дубов, тополей, осин и ольхи находилось святилище Матери богов – Артимпасы – богини, являющейся источником всякого плодородия, хранительницы законов и покровительницы браков. Ее очень почитали местные жители.

При этом Артимпаса не считалась их прародительницей. Она была как бы ближе к зверям и давала поклоняющимся ей охотникам власть над ними. Сами гилейцы часто видели Артимпасу крылатой и сидящей, поющей юношей медом и вином из рога. Артимпаса, таким образом, отмечала того, кого она считала достойным стать грядущим героем...

Чтобы заночевать, Геракл выбрал неглубокую, но сухую пещеру на берегу реки. Пробиваясь вглубь нее со смолистым факелом в одной руке и сучковатой дубиной в другой, путник набрел на большую комнату, посреди которой жарко горел и светился костер.

Но тут Геракл вдруг услышал странный свист и шелест. Обернувшись, грек увидел прекрасную женщину с прекрасным лицом и полными грудями. Но она была женщиной только до половины. Дело в том, что нижняя часть красавицы оказалась... змеиной, и, сплетенная в два тугих кольца, вся сверкала, переливалась разноцветной чешуей.

Геракл не только не испугался вида хозяйки пещеры, но сразу сказал:

– Если ты приходишься родственницей Артимпасе, которую почитают здешние жители скифы, – прими меня! Ибо я пришел с миром!

Не успела странная женщина хоть что-то вымолвить в ответ, как Геракл положил дубину, а затем спокойно снял с плеч лук и свиную шкуру с широким поясом, к которому была прикреплена чаша, чтобы поскорее обсушиться.

Но хозяйке пещеры пришлось по душе смелость незваного гостя.

– Ты угадал, пришелец. Артимпаса – моя сестра, а меня зовут Апи¹¹. Но еще никто доселе не отваживался входить в эту пещеру. Поэтому – располагайся здесь и чувствуй себя как дома.

Согревшись и отведав предложенное угощение из мяса и сыра, Геракл спросил хозяйку:

– Послушай, не видала ли ты где-нибудь моих заблудившихся быков?

⁸ Древнее былинное название Варяжского, впоследствии Балтийского, моря. Ирий, или Вырий – «славянский рай». В пользу этой точки зрения говорит расположение священного острова Руяна (Руана), с которым традиционно отождествляют алатырь-камень (латырь, бел-горюч камень, синий камень, алабор). Ныне немецкий остров Рюген. В стихе «Голубиной книги» алатырь-камень ассоциируется с алтарем, расположенным в центре мира, посреди моря-океана, на острове Буяне (Руяне). На нем стоит мировое дерево, или трон мирового царствования. Камень наделен целебными и волшебными свойствами. В духовных стихах описывается, как «из-под бел-алатырь-камня» вытекает чудесный источник, дающий всему миру «пропитание и исцеление».

⁹ Страна на месте нынешних Николаевской, Херсонской и части Запорожской областей.

¹⁰ Борисфен – древнегреческое название Днепра неизвестного происхождения. Словутич, Славутич – древнерусское (букв. «славный, знаменитый») имя реки.

¹¹ Согласно одной из реконструкций генеалогического древа скифских богов, змееногая богиня была дочерью Аракса и Апи. Ее мужем был первочеловек Таргитай (загадочный Тарг, или Тарх Тархович русских сказок), отец Липоксая, Арпоксая и Колаксая (трех царевичей). В данном случае автор опирается на мнение о тождестве Апи и змееногой богини.

В ответ дева-змея, соблазнительно поводя своими сверкающими бедрами и ластясь к статному, с мощным торсом гостю, сказала:

– Быки у меня в другой пещере, но я не отдам их, пока ты, Геракл, не разделишь со мною ложе!

Однако даже после того, как греческий герой, надо сказать, не без удовольствия исполнил просьбу богини, Апи не стала спешить выпускать быков, желая как можно дольше удержать мужчину:

– Не сегодня! Там, за пещерой, ревет буря! А здесь сухо, тепло...

И опять Геракл не стал возражать против гостеприимства хозяйки.

...Так прошло-пролетело немало времени, пока в конце концов Гераклу не надоело целыми днями есть, пить и нежиться с девой-змеей. Да и Апи, следует признать, пришло в голову, что суровый отец Папай и хранительница семейного очага Табити могут покарать ее за пренебрежение данной клятвой стеречь святилище сестры от незваных гостей.

И вот, возвратив быков греческому герою, она сказала ему на прощание:

– От тебя у меня в чреве толкаются трое сыновей. Скажи же, что мне с ними делать, когда они родятся и подрастут? Оставить ли их здесь или же отослать к тебе?

Подумав, Геракл ответил:

– Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего поступить так: посмотри, кто из них сможет натянуть мой лук, испить из моей чаши и опоясаться моим поясом, того и оставь жить здесь. Других же сыновей отошли на чужбину.

С этими словами Геракл натянул свой лук. Затем, показав, как опоясываться, он передал лук и пояс с пристегнутой к нему чашей и с легким сердцем вновь обретшего волю человека отправился дальше.

Геракл затем совершил еще много подвигов... Но не о греческом герое будет наша дальнейшая речь. Вернемся, пресветлый князь, к деве-змее Апи в пещеру, на берег Борисфена-Словутича.

...Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелон, а младшего Скифом.

Затем она поступила, как велел Геракл. Двое сыновей – Агафирс и Гелон – не смогли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось натянуть лук и надеть пояс, и он остался в Гилее.

Словен

Прошли века. Потомки Скифа расселились вдоль берега моря, к югу от Гилеи. Но вот с востока и запада надвинулись враги. В довершение всех бед между людьми вспыхнули распри.

И тогда князь по имени Словен, отличавшийся мудростью и отвагой, сказал соплеменникам:

– Разве нет еще земель, годных для поселения? Оставим вражду и отправимся в полуночные страны, из которых родом боруски¹² – наши пращуры!

Народ Словена и его жены Шелони, подобно острокрылым птицам, перелетающим через бескрайние пустыни, устремился на север.

Долго пришлось скифам искать подходящее место для поселения. Не все выдержали трудности пути. Кто-то затерялся в бескрайних лесных дебрях, кто-то решил повернуть назад.

Сыновья Словена – воеводы Прус, Лех и Чех – не стали искушать судьбу и выбрали земли между Дунаем и Вислой. Само, Хорват и Звонемир ушли еще дальше на запад. Бус осел по среднему течению Днепра.

Говорят, что Лех и Чех вместе добрались до горы Ржип. Там их пути разошлись. Лех спустился в обширную равнину, а Чех отправился в горную страну Богемия. Люди Леха все ждали, что боги дадут знак, который положит конец их странствиям. И вот они набрали на огромное гнездо, над которым грозно парил огромный белый орел...

Самые отважные сыновья Словена – Рус и Бастарн – дошли до берегов озера Мойско. Земли здесь были не такие плодородные, как на юге, – лесистые и болотистые, зато никто не угрожал спокойствию народа. На берегу впадающей в озеро Мойско реки Мутной¹³ скифы выстроили город Словенск, или Велиград¹⁴.

¹² Согласно предположению А. Удальцова, боруски жили на среднем Днепре, на территории будущих полян, где в III веке поселились бораны, или борады. Ученый указал на «Боричев увоз» под Киевом и привел последовательность: боруски, бораны, борады – будущие поляне.

¹³ Позже реку Мутную называли Шелонью в честь супруги Словена.

¹⁴ Словенск, или Великий град сказания «О Словене и Русе» XVII века.

Меч Словена

Рассказывают, что в одной из битв с прежде неведомым народом сыну Словена – Русу – разбили голову. Весь в крови, Рус явился к отцу и стал готовиться к ужасной мести. Но мудрый Словен предостерег сына:

– Смотри, если увидишь, что люди, которым ты желаешь отомстить, не имеют никакого наследства, кроме тугого лука и пояса с медной чашей, лучше подружись с ними. Вместе вы станете настолько сильны, что никакому врагу будет не под силу победить вас.

Случилось так, как предвидел Словен: Рус не стал проливать чужую кровь. В благодарность неведомый народ научил Руса, как согреться долгими холодными зимами – бросать на раскаленные камни воду, пока не пойдет горячий пар.

О гибели Словена ходят легенды. Общее в них лишь то, что она связана с мечом.

Охотясь, Словен заметил двух карлов рядом с большим камнем, под которым лежал невиданной красоты меч-кладенец. Вспомнив, что в таких случаях следует делать, он стал читать заклинания, не давая карлам исчезнуть.

Когда карлы спросили, как они могут себя выкупить, Словен потребовал отдать ему меч. Карлы нехотя исполнили просьбу, но, прежде чем скрыться, прокляли оружие.

Меч Словена стал самым острым из всех мечей. Его удар невозможно было отразить, нанесенная им рана всегда оказывалась смертельной. Если обнажить меч-кладенец, то обратно его уже нельзя было вложить в ножны, не обагряв кровью.

Однажды Словен столкнулся с варягом Арнгримом. Завязался жестокий бой. Волшебный меч пробил щит Арнгри-ма и воткнулся в землю. Тогда Арнгрим отрубил Словену руку, взял меч и убил им князя. Дочь Словена – прекрасная Эйвура – досталась победителю¹⁵.

Много лет спустя один из потомков Арнгрима по имени Хейдрик оказался далеко на востоке, в земле славян, позже прозванной Гардарикой¹⁶, где при странных обстоятельствах на охоте убил сына местного князя. Тот тем не менее отдал ему в жены свою дочь.

Далее к Хейдрику явился бог свеев Один и задал ему загадки. В конце они поссорились, и бог наслал на Хейдри-ка проклятие. И действительно, враги зарубили Хейдрика, похитив меч Словена. Хейдрика похоронили в Карпатских горах.

¹⁵ В скандинавских сагах Словен упоминается под именем конунга Гардарики Сирглами. Вероятнее всего, его дочь Эйвура также нордический вариант какого-то неизвестного нам женского славянского имени. Хотя название Гардарика (с X по XIII в. Гардар) встречается в более поздних средневековых источниках, очевидно, что некая большая страна на востоке (Острогард, Хунигард, Рейдготаланд, Ойум и т. п.), населенная различными племенами, в том числе славянами, германцам была известна еще с древности. Поскольку невозможно сказать, когда именно жил Словен (Киприан приводит совсем уж фантастическую дату – 2409 год до н. э.), то можно лишь предполагать, что это было где-то в первых веках новой эры, за несколько веков до появления гуннов в Северном Причерноморье (конец IV в. н. э.).

¹⁶ Время действия саги о Хейдрике – примерно 370-е годы н. э., когда готы воевали с антами, союзом славянских племен, в Приднепровье. Вначале готы потерпели от антов сокрушительное поражение, однако после стали действовать осмотрительнее и сумели около 375 года захватить в плен и распять славянского князя Божа (Бус в «Слове о полку Игореве»), его сыновей и семьдесят антских старейшин. Но уже через год король готов Витимир погиб в бою с гуннским каганом Баламиром. Сама битва антов с готами, согласно выводам археологов, происходила на Левобережье Днепра (Археймар).

Сын Хендрика – Ангантюр – долго искал убийц своего отца и опознал их в рыбаках по мечу-кладенцу... Пир по случаю успешной мести Ангантюр, уже как король народа готов, справил в Археймаре, на берегах Днепра¹⁷.

¹⁷ Подробнее история Ангантюра рассказывается в изданиях: Иликаев А. С. Большая книга славянских мифов. Москва: Эксмо, 2020. С. 21–23; Иликаев А. С., Шарипов Р. Г. Большая книга скандинавских мифов: более 150 преданий и легенд. Москва: Эксмо, 2022. С. 512–521.

Венд и его сыновья

Сын Словена – Рус – женился на девушке по имени Поруса, от которой у него был сын по имени Венд, или – на свейском языке – Ванда.

Князь Венд, также прозываемый варягами Гертнитом, а прочими Всеславом, отличился, прежде всего, военными походами. Он ходил и на север, и на восток, и на запад. Ходил посуху и морем. Покорив многие народы, Венд вернулся в Новгород. Говорят, что князь был во всем подобен своему отцу, – мудрому законодателю и счастливому полководцу. Когда пришло время, Венд женился на варяжской принцессе Адвинде.

Сыновья Венда – Избор и Владимир Старый...

* * *

И снова мысль Киприана вернулась к нерадостным нынешним временам.

Когда Новгород был взят шведами, он, Киприан, поехал в Швецию русским послом. Но там его подвергли пыткам, желая «выведать государственные тайны о России», и продержали в заключении целых два года.

Только в 1614 году Киприану удалось возвратиться на родину. Россия к тому времени воскресла из пепла Смуты. Царем был избран еще совсем молодой Михаил Федорович из рода Романовых.

И Киприан продолжил писать, но теперь уже не как Вещий Боян, обращаясь светлой мыслью к Владимиру Святославичу, а к новому русскому царю. Ибо задумал Киприан дело великое, славное и невиданное: сохранить знания волхвов, показать самодержцу всероссийскому, что слава его народа куда древнее славы хитрых греков и не от греков начало русской истории, а от самых древнейших скифских и славянских прародителей...

О том, почему скифы прозвались словенами

Итак, сыновья Венда от жены его варяжской принцессы Адвинды – Избор и Владимир Старый – прославились строительством городов. Но еще прежде от некой Илмеры, то ли сестры Руса, то ли русалки, «морской жены»¹⁸, князь Венд зачал Столпосвета...

Одрахлев, Венд разделил свои владения между двумя сыновьями. Избору достался запад, Владимиру Старому – восток.

От жены Юлианы, дочери Ирона, правителя Смоленска, Избор зачал двух дочерей – Эрку и Берту.

Только один Столпосвет не пошел дорогой отца и старших братьев: стал жать, где не сеял. Занявшись разбойничьим промыслом по реке Мутной, он построил себе особое судно с круглой крытой палубой и длинным остроконечным носом.

Плывя по волнам, раскрашенный разными красками, необычный корабль привлекал внимание купцов. Но стоило им только пристать к нему, как в палубе судна открывались двери и несчастные торговцы становились жертвой свирепой алчности столпосветовских воинов...

Но не это удивительно. Удивительно то, что память о родоначальнике Словене так долго сохранялась у скифов, что они стали называть себя по его имени словенами, или славянами.

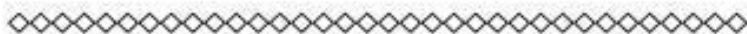
Однако недаром имя Словен означает «слово», «знание». Да будет известно тебе, государь Михаил Федорович, что именно от отца Словена Рус узнал о том, как был создан мир, как произошли боги, великаны и люди; узнал о мудрости Световида и ревности Мораны; узнал о страшных детях владыки загробного царства Велеса и мировом ясене...

¹⁸ Подробнее об истории Венда и Илмеры, а потом и дальнейшей судьбе Столпосвета рассказывается в издании: Иликаев А. С. Большая книга славянских мифов. Москва: Эксмо, 2020. С. 235–245.

Кощуна первая Начало мира

Кощуна первая **НАЧАЛО МИРА**

Прабог и многоголовые боги и великаны

Государь Михаил Федорович, старобытные бояре! Начну же, ступая торной тропой Вещего Бояна, петь хвалу богам праотеческим.

В начале мира не было ничего: ни неба, ни земли, а только безбрежное Море-океан. Пращуры мнили, что это Море-океан было покрыто множеством глаз будущих живых существ, потому они еще по-другому называли его Многоглазой пучиной.

И вот эта Многоглазая пучина дала начало также самому первому поколению богов – могущественных покровителей природных стихий. Долго первобытная стихия пребывала в покое, пока однажды что-то не заворочалось в ее глубине. Вздрыгнула седая грудь Моря-океана, и из высоких волн, со свистом и грохотом, вышли два брата-исполины: Стриб – дед ветров и Иеса – владыка моря...

Но прежде случилось самое удивительное. Говорят, что, до того как породить владык ветра и волн, Многоглазая пучина произвела первое существо – Прабога, или Усуда. Говорили, что он получил самую большую власть, став господином времени. От Прабога начался отсчет нашего мира. Потому он был ни мужем, ни женою. Воздвигся из бездны, подобно исполинскому столбу¹⁹.

Сидел Прабог прямо на воздухе, метал на землю груды облаков, в которых в блеске рдяных молний рождалась сама жизнь. Потом, приняв образ некоего существа с длинной седой бородой, стал идти Прабог, опираясь на белый посох, по бесконечной водной глади. И путь его не имел конца...

Но вот только что созданные братья-исполины Стриб и Иеса предстали пред очами Прабога. Встретившись, они взглянули в глаза друг друга.

– Кто вы? – спросил Прабог.

– Мы повелители ветра и моря, – ответили Стриб и Иеса. Задумался Прабог:

– Если вы владыки стихий, то кто тогда я?

– Ты начало и конец всему: властитель времени, господин над всеми богами.

О том, куда затем удалился Прабог, никому не ведомо, но кое-кто считает, что самый первый обитатель до тех пор пустого пространства долго еще странствовал, обходя юный мир, пока не обосновался у какого-то источника под корнями могучего ясеня или дуба. Позже к Прабогу не раз приходил посоветоваться сам четырехглавый владыка вселенной Световид, один из сыновей могучего Стриба²⁰. Но свое истинное предназначение, как и полагается властителю времени, Прабог исполнил тогда, когда прежний мир подошел к своей гибели. И об этом будет рассказано в свой черед.

...А теперь пока поведаю о том, кто такой был Стриб и что у него была за семья. Этот поселившийся среди беспокойных туч бог мог принимать образ великана или карлы с огромными веками, которого сопровождала стая черных воронов. Стриб от рождения был почти слеп, не мог открыть глаза без посторонней помощи, но его взгляд проникал во все миры и нес смерть врагам. Лицом Стрибу служила железная маска. На ногах бог носил железные когти, которые сами надевались. С помощью этих когтей Стриб всегда мог забраться на высокую гору

¹⁹ В своей реконструкции изначальных славянских мифов словацкий исследователь Я. Слушны предполагает, что Прабог (Род) и Демон (Черт) появились одновременно из Хаоса. Якобы некий Дух, ставший впоследствии Демоном, которому наскучила пустота, начал сталкивать друг с другом камни и даже высек первую искру. От этого пространство загорелось, и только тогда очнувшийся от небытия Прабог, произведя мановением руки воду, погасил мировой пожар.

²⁰ Далее Я. Слушны выстраивает целую космогонию о сотворении мира Прабогом и Демоном. Прабог оборачивается голубем, а Демон – чомгой, уткой-нырком. Фигурируют мировой дуб, добывание земли из-под воды, расширение земли с попыткой утопления Прабога его противником. Имеются и другие сюжеты, встречающиеся в различных славянских народных легендах: создание светил, стихий, лета и зимы, рельефа почвы, культурных и диких растений, животных, сотворение мужчин и женщин. Особое место занимает, по всей видимости, чисто словацкая легенда о возникновении Триглава. Демон ныряет за землей на дно моря, но, отказываясь благословлять землю именем Прабога, никак не может ее вытащить. И только тогда, когда Демон признает главенство Прабога, ему удается добыть землю. После этого из морских глубин поднимается гора с тремя вершинами – Триглав, которая соединяет землю с небом. Две меньшие вершины сторожат самую высокую, которая воздвинулась между ними. В этой горе вскоре поселяется бог, названный тем же именем – Триглав. Он становится ее хозяином и напоминает миру о том, что совершил Прабог. В настоящей реконструкции дается несколько иная интерпретация образа Прабога. Скорее всего, данного персонажа следует отнести к богам типа скандинавских Имира и Мимира.

или небо²¹. Но, конечно, главной отличительной чертой бога было его могучее дыхание. Оно завывало на все лады. Могло быть и горячим, и ледяным, и сухим, и влажным.

Некоторые считали, что еще одним именем Стриба было Сытиврат. Последний считался как покровитель плодородия, уподобляясь римскому Сатурну или Гладолету, богу сева и земледелия, подобному греческому Кроносу. Сытиврата, или Ситиврата, представляли злым пропастником и препадником. Он был великим творцом, осуществляющим круговорот света, богом, дающим земле силу плодородия...

Неспроста Стриб и жену себе подыскал под стать – Подагу, богиню погоды. У Подаги было тело женщины, а голова коровы. Впрочем, люди говорили, что это был всего лишь особый убор, украшенный рогами. Иногда Подага являлась своим почитателям двуликой. В руках у богини находились посох и рог изобилия. Все, кому наскучил затянувшийся дождь или пронизывающий ветер, несли ей дары, прося показать свою добрую улыбку.

Стриб и Подага поселились среди беспокойных туч, где завывают ветры, сверкают молнии, грохочет гром и зарождаются бури. Неспроста эта пара богов стала родоначальницей ужасных многоголовых и звероподобных исполинов, о которых еще будет сказано.

Ну а что Иеса, владыка моря? Он имел облик бородатого мужа, восседающего на высоком троне, вырубленном в дикой скале. В одной руке Иеса сжимал жемчужный трезубец, в другой – огромный рог из раковины. Голову Иесы венчала корона из жемчужин и перламутровых раковин.

У Иесы имелась волшебная сеть, которая приманивала рыб. Как владыка переменчивой стихии Иеса любил музыку и пляски. Даже утопленников, попадавших к нему на дно, он заставлял играть для себя и своих дочерей.

Иеса не всегда жил в море. Иногда он пребывал на острове, который находился на краю мира. Там у него возвышался роскошный дворец и паслись бесчисленные стада кобылиц. Эти кобылицы, перескакивая через горы и долины, летели быстрее ветра.

В этом дворце, что находился на острове, жила Циза – супруга Иесы. Эта прекрасная богиня олицетворяла собой лето. Ее любимым растением был чистотел. В летнюю пору Циза часто показывалась на полях, убранная зрелыми колосьями, со спелыми плодами в руках.

Вступив в брак с Подагой, Стриб породил многоголовых и звероподобных богов – Ругевита, Поревита²², Поренута, Пезамара, Гонодрага, Прове, а также Триглава, Триглу, Световида и Дивию.

От союза Иесы и Цизы произошли боги леса и охоты – Своба, Скатия и Туа. Кроме того, они дали начало поколению великанов, старейшими из которых были Волот и его дети: дочь Болота и сын Тарг.

²¹ Деталь, сохранившаяся в русских сказках (применительно вообще к сказочным героям). «Громовые когти» хранил в ящике под своим престолом финский бог неба Укко.

²² В некоторых источниках Турупит или Пурувит.

Дети Стриба и Подаги

Второе поколение богов оказалось многочисленным, буйным и своенравным. Когда власть над миром перешла в руки Световида и Триглава (а затем, после появления людей, к Сварогу и Ладе – третьему поколению небожителей), оно не было забыто. Люди стали почитать прежних владык наряду с молодыми богами. Особенно большим почетом они пользовались у воинственных народов Варяжского моря: вагров, руян, ободритов и данов.

Не было величественнее в мире берегов Ирийского моря! Словно красные колонны, гордо высились на песчаных косах вековые сосны и роняли в воду слезы – сверкающий, будто прозрачное золото, янтарь! И напрасно говорили свей, что никогда Ирийское море не было родным для славян. Еще в глубокой древности они явились на его топкие берега, прозвав Блатом, а позже Балтийским морем. Другое свое название – Ирийское, или Варяжское, море получило по имени самого сильного и западного славянского племени вагров-варинов, то есть варягов. Обладая обширным полуостровом до реки Траве, славяне имели столицу в Старграде, владея также островом Фембе. Но уже коварные и злокозненные даны и саксы ждали, как ослабнут в междоусобиях славянские племена, чтобы захватить их богатые земли...

Жительство вагров, руян и ободритов было самое роскошное. На высоких мысах, скалах они возводили свои города-крепости, окруженные высокими деревянными стенами и башнями. В мирное время славяне держали крепости отворенными, предпочитая не отсиживаться за запорами в тесноте и вони, как то было заведено у соседей, а, живя в небольших поселках, пахать землю, ловить рыбу и торговать по морю. При этом если кто-то из мужей отправлялся в далекие страны по торговым делам, то его голос не пропадал на вече – народном собрании. Если вече предстояло решить важный вопрос, то его принятие откладывалось до тех пор, пока все купцы не вернутся домой.

В самих крепостях было светло и просторно. В них не имелось ничего, кроме укреплений и храма одному из многоголовых богов, которым поклонялись славяне. Так, в городе Кореница на острове Руяне находились святилища, посвященные детям Стриба и Подаги. Самый большой храм стоял внутри двора, пурпурные занавеси служили ему стенами, крыша же опиралась лишь на колонны. В центре храма находилось высеченное из дуба изваяние Ругевита. Его никто не смел беспокоить, и поэтому ласточки безбоязненно вили под его бородой гнезда.

Голова Ругевита имела семь лиц. К боку изваяния были подвешены в ножнах семь мечей. Восьмой, обнаженный меч, Ругевит держал в руке. Вложенный в кулак, он был крепко прибит железным гвоздем, так, что его нельзя было извлечь, не изрубив изваяние. Воинственные вены почитали Ругевита как римского бога войны Марса.

Не меньшей свирепостью отличался Поревит – пятиголовый бог грабежа и разбоя. После одержанной победы он появлялся на поле боя и захватывал добычу. Затем с помощью слуг Полада и Порелада делил ее между участниками битвы.

Поренут почитался как бог воздуха. У него имелось четыре лица. И еще пятое – оно находилось на груди. Поренут касался лба левой, а подбородка – правой рукой.

Пезамар и Гонодраг были покровителями мира, мореплавания и подателями благополучия. Они изображались в виде богато одетых мужчин в пурпуре и золоте.

Их брат Прове²³ прославлялся как бог правосудия и дубовых рощ. Его представляли в виде человека с длинными лошадиными ушами, со щитом (на котором имелось изображение тринадцати солнц или полных лун) и копьем в руках. Приступая к правосудию, Прове откладывал оружие, беря в руки треножник – символ постоянства и осторожности.

²³ В Старгарде почитался сходный с Прове бог по имени Проно.

Своба почиталась как богиня лесов. Скатия и Туа обеспечивали удачную охоту. Они представлялись в виде женщин, укутанных шкурами и зеленой листвой.

Триглав и Световид

Особое место среди детей Стриба принадлежало Триглаву и Световиду. Именно от них произошли последующие небожители.

Триглав пошел в отца Стриба – такой же необузданный, свирепый нравом. Световид больше напоминал мать Подагу. Он был столь же силен и быстр, как Стриб, но в его жилах текла светлая кровь деда Моря-океана.

Да будет нелишним вспомнить, что Прабог, господин времени, начало всему, был еще прежде Иесы и Стриба произведен Морем-океаном. А уже потом Стриб породил двух самых известных братьев Триглава и Световида! Потому Прабога можно считать дедом Триглава и Световида. Правда, не родным, а... двоюродным! Но, как уже говорилось выше, придет пора сказать о Прабоге...

...Храм Триглава в городе Волине (или Юлине) на берегу Ирийского моря располагался на самом высоком из трех холмов и поражал великолепием. Его стены были расписаны яркими красками, которые не тускнели ни от дождя, ни от снега. Одна из них, главная, была сооружена с удивительным старанием и мастерством. Внутри и снаружи стена имела изваяния в виде выступающих наружу изображений людей, птиц и зверей. Они были столь хорошо сделаны, что казались живыми.

В храме стояли резные дубовые скамьи, а посередине – трехглавый идол самого бога, который надзирал за тремя царствами, то есть небом, землей и преисподней. При этом глаза и губы Триглава закрывала золотая повязка, потому что бог не должен был видеть людские грехи и говорить о них.

Считалось, что обитель Триглава находится в священном источнике, что протекал неподалеку у корней огромного Дуба.

Изваяния Триглава могли отличаться друг от друга по размерам. В Госткове, например, статуя божества была столь велика, что завоеватели не могли ее повалить даже с помощью

нескольких пар волов. А в Юлине этого бога, отлитого из золота, в случае необходимости прятали в дупле дерева.

Световида олицетворяли разные знаки: в частности, резные орлы и знамена, главное из которых называлось Станица. Власть этого небольшого куска полотна была сильнее княжеской. Станица развевалась над надвратной башней к востоку от единственного входа в ущелье, в конце которого на высоком мысу возвышалась Ар коня. Говорят, что само знамя сверкало на солнце, и нельзя было сказать, какого оно именно было цвета. Но Станица представляла собой огромное полотнище материи, так что знамя можно было увидеть еще издали. По обеим сторонам от Станицы располагались резные изображения орлов. Воинственные руяне считали, что именно Станица бережет их в битвах, позволяя безнаказанно грабить вражеские города, разрушать храмы чужеземным богам и вершить судьбы побежденных народов.

Большой деревянный храм Световида в главном городе славян-лютичей Ар коне находился прямо посередине ровного пространства. Внешнее пространство храма окружали различные изваяния, хотя и выполненные грубо, но с силой и выразительностью. Была видна только одна входная дверь. Сам же храм был окружен двойной оградой. Внешняя представляла собой крепкий дубовый частокол, покрытый затейливой резьбой. Внутреннюю ограду составляли лишь четыре колонны с натянутыми между ними блестящими драпировками. Обе стены посредством балок соединяла общая пурпурная кровля.

В главном помещении храма стоял искусно сделанный идол Световида, размерами превосходящий любое человеческое тело. Бог имел четыре головы на четырех шеях. Две головы, казалось, смотрят на грудь, а еще две – на спину. У голов Световида были коротко выбритые бороды и очень коротко постриженные волосы. Левая рука бога, напоминающая лук, упиралась в бок, правая прижимала железный рог к груди. Деревянная одежда божества была устроена из разных сортов дерева. При этом детали настолько искусно соединялись между собой, что рассмотреть места креплений удавалось, только очень близко подойдя к идолу. Постамент с изваянием располагался ниже уровня пола, поэтому мнилось, что Световид стоит на земле.

Внутреннее помещение храма считалось настолько священным, что подметал его сам верховный жрец, при этом задерживая дыхание. При храме содержался священный белый конь Световида. Верили, что бог по ночам сражается верхом на нем со своими врагами. А иначе как можно было объяснить, что наутро конь Световида оказывался сонным и забрызганным грязью?

В случае нужды коня мог оседлать один верховный жрец, но даже случайное выдергивание волос из гривы или хвоста животного Световида считалось большим грехом, который требовал искупления.

В святилище рядом с идолем стояли стул, уздечка, седло и меч бога. Все вещи Световида были покрыты великолепным серебром. Белый конь бога служил также оракулом. По тому, как он переступал через копыта, жрецы определяли волю своего кумира. Обряд гадания проходил следующим образом. Жрецы устанавливали три ряда копий наконечниками вниз, где каждый ряд копий скрещивался друг с другом. Если лошадь пересекала эти ряды копий правой ногой вперед, это означало удачу в предстоящей битве, если левая была первой, сражение отменялось.

Еще некоторые утверждают, что жрецы Световида использовали для гаданий на удачу военных походов левую руку божества, но каким именно образом, о том умалчивается.

По окончании жатвы и сбора плодов справлялся праздник. Накануне верховный жрец Световида прибирал храм, стараясь не впускать воздух внутрь храма, чтобы не осквернить присутствие бога человеческим дыханием.

После того как толпа собиралась перед храмом, в жертву Световиду приносили жеребцов белой масти, а затем устраивали пир. На следующий день к храму со всех сторон стекались жители Арконы и гости города. Верховный жрец, одетый в четыре тонкие рубахи – багряную,

зеленую, желтую и белую, по уровню вина в роге Световида гадал о будущем урожае. Если не хватало напитка, налитого ранее, это предвещало неурожай, и жрец указывал князю и вече Арконы на необходимость сделать припасы, если же уровень вина в роге оказывался достаточным, жрец предсказывал хороший урожай на следующий год. Тогда верховный жрец выливал вино из рога под ноги статуи и наливал в него свежего, прося благоденствия себе и народу. Жрец заканчивал церемонию, делая большой глоток из рога, затем снова наполняя его и вкладывая обратно в руку изваяния.

Также известен обряд, связанный с огромным пирогом, заправленным медом. Верховный жрец ставил пирог перед собой и спрашивал народ, видит ли тот его? А когда люди отвечали, что не видят, жрец желал, чтобы и на следующий год не увидели.

Жрецы Световида увещевали людей приносить жертвы владыке вселенной, дабы обеспечить процветание всех славянских земель. Поэтому каждый житель Руяна и даже жители многих соседних и дальних городов добровольно отсылали по одной монете в год Световиду. Воины жертвовали богу одну треть захваченных в бою доспехов врагов. Особым священным налогом облагались купцы, приезжавшие торговать в Ар ко ну. Молодые супруги, только что заключившие брак, должны были, взявшись за руки, отправиться к храму Световида и также заплатить богу монету.

Не достойно никакого удивления после этого, что храм Световида считался богатейшим среди храмов. Под началом верховного жреца было триста всадников со всем вооружением, и все, что добывали они в бою, поступало в распоряжение храма. Верховный жрец на полученные средства содержал множество искусных ремесленников, которые производили самые различные украшения. Кроме того, жрецы бога скапливали в плотно закрытых ларцах множество золота и серебра, а также пурпурной ткани. Иногда даров было так много, что иные вещи приходили в негодность и становились ветхими. Кроме того, сокровищницу храма наполняло огромное число самых разных частных подношений от тех, кто просил от четырехглавого Световида милостей для себя.

Под началом верховного жреца Световида также находилось множество храмов в других местах, коими управляли младшие жрецы.

Другой большой храм Световида находился не в середине города, а на горе возле морского залива. Иные считают, что это было то же самое святилище в Ар коне. Храм этот был сложен из красного мрамора и зеленого изумруда. В нем стоял идол бога из самоцветов четырех видов – зеленого хризолита, красного карбункула, желтого корнелина и белого хрусталя, с головой из червонного золота. Перед ним находился другой идол в виде девушки. Мудрецы утверждают, что неспроста изваяние Световида было сделано из разных материалов. Четыре цвета идола означали времена года. Зеленый – весну, красный – лето, желтый – осень, белый – зиму. Золотая голова же олицетворяла жаркое солнце.

Чехи мнили, что в Вышеграде некогда стояло изваяние Световида, под которым женщины и дети в праздник топили гроб с чучелом некоего юного бога.

Из всего этого можно заключить, что Световида часто путали с Прабогом. Не зря Световид приходился сыном Стрибу, одному из первых богов...

Световида, называемого также Белобогом, Белуном почитали не только славяне, но и иноземцы. Король данов Свен, прельстившись могуществом Световида, посвятил ему кубок изысканной работы.

Женским воплощением Световида считалась Светлуша, богиня солнечного света и тепла. Не ее ли изваяние находилось в храме перед идолом Световида?

Еще одним именем Световида, как полагают некоторые, было Кирт, или Кродо, который так же, как и его отец Стриб-Сытиврат, отождествлялся с Сатурном. Кирт представлялся стариком с обнаженной головой и голыми ногами, стоящими на рыбе. Бедра бога опоясывала белая шерстяная повязка. В одной руке небожитель держал большое колесо, а в другой корзину

с цветами и плодами. Оттого даже думали, что Световид, то есть Кирт, есть Прабог, владыка времени. Верили, что Кирт царит на чудесном острове далеко на краю моря, там, где обитали тени героев и великанов.

Чехи поклонялись Световиду как Кирту, сыну Сытиврата. Хорваты – как Кродо.

У Триглава и Световида имелись сестры: Тригла и Дивия. Заключив брак, Триглав и Тригла дали начало несчастью, смерти, нечету, левому, женскому, низу, северу, западу, морю, влаге, ночи, зиме, луне, черному, далекому, лесу, молодому.

Световид и Дивия, также ставшие мужем и женой, – счастьем, жизни, чету, правому, мужскому, верху, югу, востоку, суше, огню, дню, весне, солнцу, белому, близкому, дому, старому.

Триглав и Тригла породили богиню плодородия С иву, бога прорицателя Сиве, владык загробного царства Велеса и Нию. Велес и Ния – Мерота, Радамаша, Зелу, Порвату, Нонцену и Дирцею. Кроме того, вступив в связь с дочерью великана Болота – Волотой, Велес произвел чудовищ: трехглавого змея Тасана, старуху-людоедку Ягу, демона Флинца и Одноглазое Лихо.

Световид и Дивия породили богов тепла и света: небесного кузнеца Сварога, Ладу – мать сырой земли, а также Денницу, Ютробога, Вецеру, Хорса и Генниля.

Велес и Ния, дети Триглава и Триглы, родились такими страшными, что Триглав не стал держать их у себя, а поспешил отправить к своему отцу Стрибу в преисподнюю. Хотя Стриб и был дедом ветров (среди его внуков особенно выделялся холодный северный Позвизд, представлявшийся в виде человека в большом развевающемся плаще), после заключения союза с Подагой большую часть времени он стал проводить в глубокой пещере.

Мир из яйца

Тригла, обернувшись уткой, снесла пестрое костяное яйцо. Боги решили разъять его на части, чтобы сотворить мир: солнце, луну, звезды и небо. Однако сколько ни старались, ничего у них не выходило.

Вдруг откуда ни возьмись выскочила мышь и хвостом смахнула яйцо. (На самом деле это был принявший облик юркого грызуна Триглав.) Яйцо упало и разбилось. После этого начались всевозможные беды. Поднялось огромное пламя. Завыл свирепый ветер. Забурлили воды Моря-океана...

Когда волны улеглись, Тригла-утка по повелению Световида снесла золотой бел-горюч алатырь-камень²⁴. Дочери Моря-океана, три вещие девы-берегини Доля, Недоля и Судьба воскликнули:

– Прозреваем! Внутри этого камня сидит заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, в яйце – игла, в игле – смерть всех демонов и чудовищ!

Тогда Триглав обернулся щукой и на своем хребте унес алатырь-камень в Море-океан.

²⁴ Также бел-горюч алатырь-камень, синий камень.

Световид и Триглав творят землю

Однажды Дивия явилась к своему супругу обнаженной, с распущенными волосами до колен. Ее голову украшал венок из мирта и роз. А сама богиня стояла на золотой колеснице, запряженной двумя голубями и двумя лебедями. В призывно полуоткрытых устах Дивия держала розу, в левой руке – круг, на котором были изображены солнце, небо, земля и море, в правой – три золотых яблока. Богиню сопровождали нагие девы-берегини Доля, Недоля и Судьба.

В сердце Световида вспыхнула горячая страсть к супруге, и он удалился с ней в опочивальню.

После того как боги утолили свое желание, Световид спросил Дивию об изображениях на ее круге.

– Мой господин, это то, что сделает мир прекраснее, – ответила богиня. – Разве хорошо, что наши дети живут среди зыбких туч над беспокойными водами Иесы? Пусть солнце станет источником света, а небо – вместилищем дождей. Вели девам-берегиням, дочерям Моря-океана, добыть со дна алатырь-камень!

Задумался Световид. Слишком смелыми показались ему слова супруги. Ведь один раз уже боги пытались устроить мир из частей яйца. Но потом он согласился:

– Хорошо. Я сотворю все, что изображено на круге. Но обещаю тебе никогда не заговаривать с Триглавом. Он отец зла и будет пытаться тебя соблазнить и испортить сотворенный мир.

Выйдя из опочивальни, Световид велел Доле, Недоле и Судьбе обернуться голубками, опуститься на морское дно и принести оттуда мелкий песок и золотой алатырь-камень.

Посеяв песок, Световид создал черную землю, студеною воду и зеленую траву. Подув на алатырь-камень, – светлый Ирий, синее небо, жар полдня и прохладу ночи.

Из своего лица создал Световид красное солнце, из груди – светлый месяц, из глаз – частые звезды, из бровей – ясные зори, из дыхания – буйные ветры, из слез – дождь и снег.

Вот как о начальных временах творения поется в древней песне:

*Тогда не было ни неба, ни земли,
Одно лишь простиралось синее море,
А посреди синего моря рос зеленый явор.*

*На яворе том три голубки сели совет держать,
Как им белый свет сотворить:
«Спустимся на дно моря,
Вынесем дробного песку, синего камня.
Дробный песок посеет мы,
На синий камень подуем мы,
Золотой камень посеет мы.*

*Из дробного песку – черная земля,
Студеная вода, зеленая трава,
Из синего камня – синее небо,
Из золотого камня – светлое солнце, ясный месяц...
Яркая зарница да частые звезды».*

Желая сохранить власть над великанами и чудовищами, Световид не стал разбивать золотой алатырь-камень, а тайком спрятал его на священном острове Руяне, вознесшемся посреди Ирийского моря...

Чтобы небо лучше держалось, сын Световида – бог-кузнец Сварог – подковал его железными полосами. Богиня Лада украсила землю тенистыми рощами и густыми лесами, полноводными реками и глубокими озерами.

Увидел это Триглав и, дождавшись, когда Световид отправится на покой, принялся творить свой мир. Только вместо черной земли у него получилась красная глина, вместо студеной воды – болотная жижа, вместо зеленой травы – цепкий репейник. Подув на алатырь-камень, Триглав создал сумрачную Навь, мглу и небесную пыль.

Вот еще что говорят о Триглаве. Что когда Световид творил землю из мелкого песка и золотого алатырь-камня, его брат внимательно и завистливо смотрел за действиями бога. Потом он сам решил нырнуть на морское дно. И нырнул-таки! Добыл он оттуда глину. И эта глина стала пухнуть у него во рту, и вскоре ее сделалось столько, что Триглав поперхнулся. От разлетевшихся всюду плевков исполина возникли горы, холмы и овраги. Одним словом, неудобная земля²⁵.

Ляхи же рассказывают, что в древности вся земля, лежавшая среди морей на двух китах, была ровна и скучна. Однако Триглав вмешался в дело. Пока Световид занимался устройством мира, Триглав уговорил утку украсть немного земли. Но Световид увидел это и послал за воровкой ястреба, который ее догнал и начал душить. Утка раскрыла клюв для крика и выронила похищенную землю. И тогда из этой земли воздвиглись горы.

Между тем быстро миновали дни, в которые Световид и Триглав создали мир и природу. Вот и Световид, хорошо поработав, взял в руки податливую глину, чтобы для собственного развлечения сотворить полезное, доброе и верное животное, но так ничего и не придумал...

Световид стал ходить по свету, который сам недавно устроил. Ему все нравилось, но все-таки владыка вселенной не чувствовал полного удовлетворения. Это заметил Триглав и примчался к нему с вопросом:

– Ты сделал все, как хотел, и сейчас страдаешь от безделья? Блуждаешь по горам и пугаешь диких зверей. Не знаешь, куда пойти. Так не сотворить ли тебе что-нибудь еще?

Задумался Световид и ушел, так ничего не ответив Триглаву, но слова, сказанные им, так и крутились у него в голове. Он размышлял над ними, полеживая на зеленом лугу и глядя на расстилающиеся пред ним доли. Пока все его творения существовали по его воле, во вселенной властвовали покой и справедливость. Животные не нападали друг на друга, олень и бык паслись рядом, не мешая друг другу, не сражаясь за сочную траву. Медведь ел одни ягоды и лесные коренья, жеребенок, волчонок и дикий вепрь бежали наперегонки...

Все животные владели речью и поэтому легко могли договориться. Когда они явились к Световиду, чтобы воздать ему почести, рядом с владыкой вселенной важно восседали лиса и петух... Поклонившись Световиду, звери и птицы вместе отправились в родной лес.

В тот вечер Световид зорко следил за животными, которые уже принялись устраиваться каждый, где хотел, на ночь в лесу. И тут взгляд бога приковало маленькое белесое облачко, тихо плывшее по небосводу. За ним показалось второе, третье... И в тот миг у него родилась мысль:

– Маленькие кудрявые облака – они что-то мне напоминают, то, чему еще нет названия. Надо по их образу создать на земле новое животное с нежной белой шерстью...

²⁵ Во многих сборниках по славянской мифологии, начиная со времен А. Афанасьева, часто приводится миф о сотворении земли уткой либо Богом (Белбогом) и Чертом (Сатаной, Чернобогом) из кусочка земли, добытого со дна первобытного моря. Тем не менее, на мой взгляд, правы те исследователи, включая академика Б. Рыбакова, которые отдают предпочтение карпатской колядке, где фигурируют две (три) голубки, творящие землю из песка и синего (и/или золотого) камня. Миф о двух братьях творцах в виде водоплавающих птиц (как и польская легенда о пущенной дьяволом-Триглавом утке), несмотря на широкое распространение у славян, скорее всего, попал к последним от их соседей – финно-угров и тюрков. Оригинальное славянское космогоническое предание было больше близко мифам народов средиземноморского круга, где мир творят собственноручно боги, использующие птиц (например, голубей) в качестве своих посланцев. При этом мир создается из песка, камня и глины, а не из ила или какой-либо разновидности влажной земли, жижи.

Световид тут же с радостью вернулся к своей еще не застывшей глине. Постепенно маленькое облачко под его руками выросло до размеров пса. Световид стал придавать глине определенные очертания. Гладкую кожу владыка вселенной покрыл волнистой шерстью, которую во чтобы то ни стало хотелось погладить, и придал ей белоснежный цвет. Морду нового животного он уменьшил, поставил на четыре ножки и на каждую насадил копытца, чтобы животное могло скакать и бегать по лугам и по лесам. Наконец Световид оживил новое создание своим словом, и овца тут же побежала пастись на луг. И так пришлось по душе Световиду собственная работа, что он одним махом создал целое овечье стадо.

Световид не мог не нарадоваться тому, какое славное создание у него получилось. Вечером он подоил овец и изготовил из их молока сыр. Когда Световид намазал его на хлеб, к нему пришла не только Дивия, но даже Триглав с Триглой. Всем хотелось своими собственными глазами посмотреть на новое чудо.

А когда Световид постриг одну овцу и улегся на ложе из ее мягкой теплой шерсти...

И Триглав, съдаемый завистью, решил так: «Что Световид сделал, то и я устрою не хуже. И сейчас наступил тот самый час, когда я покажу другим, что никто не сможет превзойти меня в искусстве творения!»

Но он не хотел целиком повторять Световида, поэтому его животное должно было выглядеть как овца и в то же время быть другим. Сначала дело пошло хорошо. Триглав создал тело, подобное телу овцы, но на этом все и закончилось. Когда Триглав стал лепить из глины голову, она с каждым разом все больше стала походить на одну из его собственных уродливых голов. Рога, глаза, борода – все напоминало о том, кто создал это животное. И как Триглав ни бился, как из кожи вон ни лез, творение выглядело его несуразным подобием. Пришлось исполниту с этим смириться. Как и Световид, Триглав очень быстро сотворил целое стадо, вдохнул в него жизнь и выгнал новых созданий на пастбище.

Но дела Триглава не были достойны светлых богов! Стадо овечек само шло за Световидом, куда тот ни шел, а триглавово племя тут же разбежалось в разные стороны. Козы быстро забрались на горы, и каждая хватала все, что видела перед собой. Триглав метался из стороны в сторону, собирая стадо в кучу, но это у него никак не получалось. Он только еще сильнее осунулся и ослаб. Козы не паслись спокойно, пощипывая свежую травку, они бегали, спотыкались, и вскоре и их бока опали. Когда вечером Триглав наконец загнал их в кошару, он смог выцедить из них только чуть-чуть молока, а сыра из него было и того меньше. Как ни гневался Триглав, это не помогало.

На другой день вечером, когда Световид вел домой свое стадо, Триглав смотрел на него с завистью, думая, как бы сделать какую-то пакость.

Овечки подошли к ручью, нашли мелкое место и перешли ручей вброд, почти не замочив копытца.

Триглав стоял в стороне, там, где поток бежал сильно и неудержимо. И тут ему в голову пришла одна из его дурных мыслей:

– Пусть Световид со своими овечками делает, что хочет, а я со своим стадом буду дома первый!

Триглав не повел коз к броду. Желая сократить путь, погнал свое стадо туда, где течение воды было особенно сильным, уверенный, что там они быстро попадут на другой берег и опередят Световида. Но он ошибся. Бурный поток унес с собой двух коз, а остальные, не будучи глупы, уперлись своими тонкими, но сильными ножками и отказались входить в воду. Напрасно Триглав кричал на них до хрипоты, напрасно ругался самыми ядовитыми словами. И с той поры ни одна коза по своей воле в воду не войдет.

Когда Триглав понял, что старания его тщетны, схватил он первую козу за рога и хвост и кинул ее на другой берег. Так он перебросил через поток все стадо, и от каждой козы у него

в руке остался кусок хвоста. На память об этом у коз остались короткие хвостики, которые торчат вверх, тогда как у овечек пышные, прилегающие к телу хвосты.

Мировое древо

Неизвестно, когда прямо посреди моря стал расти высокий ясень²⁶. Очень скоро его вершина, подперев небесный свод, вознеслась над вселенной, в Ирий, где жили дети Световида, а корни, обвитые у основания змеем Тасаном, проросли глубоко вниз, в Навь – подземный мир. При этом корень ясеня стал четверолапым: один корень протянулся на юг, второй – на восток, третий – на север, а четвертый – на запад.

В ветвях ясеня поселились различные птицы – сокол, соловей, а также русалки и сама богиня Дивия. Солнце, месяц и звезды стали его сержками. По стволу, вокруг которого беспрестанно гудели пчелы, бегала огненно-рыжая белка-мышь. Сокол и соловей в вершине ясеня бранились со змеем Тасаном, который грозился сжечь дерево.

Каждый новый день Солнце двигалось от Денницы, утренней зари, и ее брата Ютробога к Вецере, вечерней заре. Денница надевала красное платье и брала в руки факел и кольцо. Она первой отправлялась разгонять ночной мрак. Через какое-то время за ней в зеленом одеянии шла Вецера. Она брала с собой ящичек, в котором хранились звезды. По воле богов братья девушек Хоре и Генниль занимали место стражей, чтобы каждое утро и вечер открывать и запирать ворота для солнечных коней.

Ютробог же, прекрасный юноша, с лучами вокруг головы и огненным крутом на груди, по воле Световида возвел для Солнца особое жилище – четырехугольный дворец, с воротами в западной стене и зарешеченным окном в восточной.

Когда наступало время самого короткого дня в году, Генниль срубал толстый сук мирового древа и строил мост, по которому ехал к людям на вепре с белоснежными клыками.

Под ясенем раскинулся Земной Остров. Он получил форму круга, со всех сторон омываемого водами мировой реки. Так ясень связал Навь, Земной Остров и Ирий.

Со временем из-под древа забили ключи живой и мертвой воды, которые могли оздоравливать и воскрешать из мертвых. У ключей устроили свое жилище три берегини – Доля, Недоля и Судьба. Первая знала, что было, вторая – что будет, а третья – то, что есть. Сестрам выпала честь определять всякому его путь: хороший или плохой.

Вот еще что можно сказать о корнях ясеня. Их постоянно подгрызали бобры. При этом они являлись отличным убежищем для сестер-лихорадок и упырей.

Когда наступала осень, мировое древо сбрасывало листья, а потом, весной, снова покрывалось густой зеленью.

И вот как-то в опавшей листве завелись черви, которые превратились в карлов. Подземные жители очень понравились Триглаву, и он обучил их тайнам ремесла, известным одним богам²⁷.

²⁶ В заговорах мировое древо находится в середине мира, на острове посреди «пуповины морской», где на алатырь-камне стоят дуб, береза (перевернутая вверх корнями), яблоня, явор и т. д. Иногда название того же дуба может уточняться. Например, Кар коли ст, то есть широколистный дуб.

²⁷ Образ маленьких человечков-карлов (карликов) был известен славянам. Лужичане называли их людками, поляки – краснолюдами. Карлов рисовали черными существами с несоразмерно большими головами, приземистыми туловищами, плоскими лицами, жесткими растрепанными волосами, выпученными глазами. А еще иного карла могли представить в виде обычного червяка. У карлов бороды были настолько большими, что приходилось их класть за пазуху. Карлы одевались достаточно пестро в куртки зеленого, белого, красного и черного цветов. Их красные шапки обладали волшебной силой. У карлов был свой язык, отчасти похожий на человеческую речь, но слова они выговаривали нечетко. Иногда карлы говорили на обычном языке, но дважды повторяли каждое слово или прибавляли к нему частицу «не».

Мужество и изменчивость

Как-то мылся Световид в жаркой бане и сильно вспотел. Чтобы высушиться, он взял кусочек тряпицы, обтерся им и бросил его с неба на землю. Триглав подобрал тряпицу и сотворил из нее первого человека по имени Бой. Но творение Триглава не двигалось и не говорило. Тогда Световид вдохнул в Боя душу. Чтобы Бою не было скучно, Световид создал для него подругу – женщину по имени Вода.

Отчего владыка мира избрал такие имена для первых людей? Бой – борьба, напоминание всем мужчинам, что они должны всю жизнь сражаться с трудностями и защищать слабых. Вода – значит «изменчивая». Подобно реке или морю, женщина никогда не бывает одной и той же. То обожжет холодом, то изнежит теплом, то ободрит, то расслабит. Для сильных и мужественных пловцов женщина – источник жизни и бесконечного наслаждения, для слабых и немощных – грозная стихия, увлекающая в пучину гибели.

От Боя и Воды пошел человеческий род.

Вот еще что рассказывают о сотворении людей Световидом. Мол, сначала владыка мира, а может быть, и сам Прабог, велел:

– Люди, появись!

И вот появились первые люди. Но были они подобны великанам-исполинам. Мало того, росли из земли, словно грибы. Если падали, то разбивались со страшным шумом, как каменные столбы. Однако первых людей рождалось такое множество, что они грозили покрыть собою всю землю.

Тогда Световид наслал на первых людей огненных змеев. Они стали летать между кустистыми облаками и извергать с неба целые потоки жидкого пламени. Но хитрые первые люди-великаны придумали накрывать головы огромными плоскими камнями. Тут Световид обрушил на свои творения настоящий каменный град. Все до единого исполины погибли, а второе поколение людей вышло карлами. Ростом эти коротышки были не выше пяди, с бородой длинной не больше локтя. Быки их были размером с козлов...

Но хотя карлы не восставали против богов, они стали очень страдать от нашествия змеев. Змеи поедали их и мало-помалу совсем уничтожили коротышек. Тогда, наконец, Световид вывел третье поколение людей. Это уж были настоящие люди. Владыка мира велел людям подпоясываться, дабы показать, что они среднего размера, то есть не слишком большие, но и не слишком уж маленькие. При этом некоторые говорят, что первая женщина явилась на свет благодаря Матери сырой земле, которая выпустила ее из своего лона...

Так землю населили люди, и начал человеческий род обживать землю. Сначала все люди дружно жили вместе. Потом между ними начались споры, и они разбрелись по миру. Одни племена остались на морском берегу, другие разошлись по разным частям света.

От золотого века к медному

Первые люди жили в золотом веке. На земле круглый год стояло лето. Когда нужно, выпадал дождь или светило солнце. В лесах росли плодовые деревья, ключи источали мед и молоко. Люди не знали болезней, бед и голода. Хлебный колос был очень большим, с локоть. Зерна начинались от самой земли, а каждое было размером с боб.

Но даже такое изобилие не портило людей. Они отличались мудростью и кротким нравом, одинаково почитая не только богов, но и упырей, и берегинь. Упыри, задобренные богатыми жертвами, старались не показываться на земле. А берегини и русалки зорко следили за тем, чтобы сестры-лихорадки не могли причинить вреда человеческому роду. Сами боги в то время частенько заходили к людям в гости: то посоветоваться, то повеселиться на дружеском пиру.

Когда золотой век подошел к концу, умерли первые люди, и боги превратили их в добрых пращуров, или чуров. До сих пор мы, отгоняя нечистую силу, говорим: чур, спаси меня!

Второй род людей был уже не таким счастливым – наступил железный век. Стало у людей меньше сил и меньше мудрости. Жили они до ста лет, но видели много горя и несчастья. В поте лица своего добывали пропитание, из всех богов почитая только свирепых Триглава, Триглу и Иесу.

Один раз Световид, странствуя по земле, очень проголодался. Встретив женщину, он попросил у нее кусок черствого хлеба. Но та отказала в пище путнику. Световид рассердился и поразил женщину громом так, что она окаменела.

Удод в то время был не птицей, а красивым юношей. Даже боги признавали его равным себе. Но все ему было мало, и захотел он стать властителем мира. За такую дерзость Световид превратил Удоду в птицу с хохолком на голове и неприятным запахом, сказав: «Быть тебе смердящим удодам. Лети и кричи: „Худо тут!“».

Люди железного века настолько вывели из себя владыку вселенной, что он решил уничтожить смертных всех до единого. «Пусть обрушится на землю страшный ливень и затопит их», – решил Световид. И сгинул бы навсегда человеческий род, но узнал о замыслах отца Сварог. Понял он, что плохо будет в мире без людей, и рассказал своему сыну Радегасту о готовящемся потопе, а тот – одному человеку, который вместе со своей женой и детьми проживал на вершине горы Перин. По совету Радегаста человек натаскал в дом припасов, чтобы переждать непогоду.

И вот хлынул на землю ливень: девять дней и ночей обрушивались вниз потоки дождя. Скрылись под водой города со всеми домами и храмами. Там, где раньше зеленели поля, теперь проплывали стаи рыб, где росли леса – резвились русалки. Только вершина Перина осталась незатопленной.

Когда вода схлынула, люди спустились на равнину и по внушению другого сына Сварога – громовержца Перуна – принесли благодарственные жертвы богам. После этого Световиду не оставалось ничего, как простить людей и даровать им счастье продолжить жизнь на земле.

Так начали свой род люди медного века – поколение героев. Были они мужественны, как их предшественники, но более благочестивы, благородны и справедливы. Вскоре вся земля оказалась вновь заселенной.

Месть Дивии

Бог Триглав, живший в Трояновом граде на горе Цере, мог принимать обличье юноши, зрелого мужа и старика. Но чаще всего он оборачивался трехглавым чудовищем, одна голова которого пожирала людей, вторая – скот, третья – рыбу. Беда была в том, что головы божества вечно ссорились, а потому Триглав часто ходил голодным и сердитым.

Неудивительно, что большую часть времени Триглав находился в диких и недоступных местах. Даже его жена Тригла старалась лишней раз не тревожить покой мужа.

Ничего не боялся Триглав, ни гнева Стриба, ни силы могучего Иесы, лишь исходящее от Световида сияние страшило его.

Однажды Дивия, супруга Световида, увидела владыку тьмы в образе прекрасного юноши и влюбилась в него.

– Чем больше я смотрю на тебя, тем сильнее разгорается страсть в моем сердце, – призналась Триглаву богиня.

Тот расхохотался.

– Разве ты не знаешь, что каждую ночь я отправляюсь в Срем к своей жене Тригле? Световид испепелил бы меня, если бы мои кони еще до наступления зари не съедали весь корм, а крик петухов не возвещал о том, что пора в обратный путь. Возвращайся лучше к своему мужу, пока Световид не покарал нас обоих!

Говорят, что от любви до ненависти один шаг. Так и случилось. Оскорбленная отказом Дивия задумала отомстить Триглаву.

Дождавшись ночи, она прокралась в конюшню и, когда кони Триглава съели весь корм, насыпала им новый. А чтобы петухи не разбудили брата криком, Дивия вырвала у них языки.

Не зная о случившемся, Триглав беспечно проводил время в покоях супруги. Тригла почувствовав, что дело неладно, то и дело спрашивала мужа:

– О, мой господин, разве твои кони уже не съели весь корм? И отчего не слышно крика петухов?

Триглав только пожимал плечами.

– Ты зря беспокоишься. Генниль еще не открыл ворота Деннице.

Только когда факел утренней зари осветил небосклон, он понял, что давно прошло время возвращаться домой.

Вскочил Триглав на колесницу, взмахнул вожжами. Быстрее ветра помчались его кони по небу. Наконец показалась впереди вершина Церы. Но солнце уже поднялось из-за горизонта.

Триглав спрыгнул с коня и спрятался в стоге сена, но посланные Дивией коровы растрепали стог. Закутавшись с головой в плащ, бог улегся под куст. Видя, что ее месть не удастся, Дивия наслала огромную стаю ворон. Налетев со всех сторон, птицы сорвали с незадачливого владыки тьмы плащ.

В это самое время солнечный луч упал на Триглава и в одно мгновение растопил его.

Впрочем, некоторые рассказывают, что смерть Триглава приключилась от солнца и... моря.

Как-то Тригла пожаловалась мужу:

– Мне приходится ждать тебя до поздней ночи!

– Земля и воды, сотворенные Световидом, неподвластны мне. Только по красной глине да зыбким болотам могут скакать мои кони. А это путь долгий и неблизкий, – ответил бог.

Тригла воскликнула:

– В таком случае, мой господин, почему бы тебе не подчинить себе воздух?!

Задумался Триглав. Как это сделать?

А Тригла велела служанкам принести ей перьев филинов и сов. И вот на глазах изумленного супруга она начала связывать их, начиная с самых коротких и постепенно прикрепляя к ним более длинные. Перья она скрепляла посредине льняными шнурками, а снизу воском.

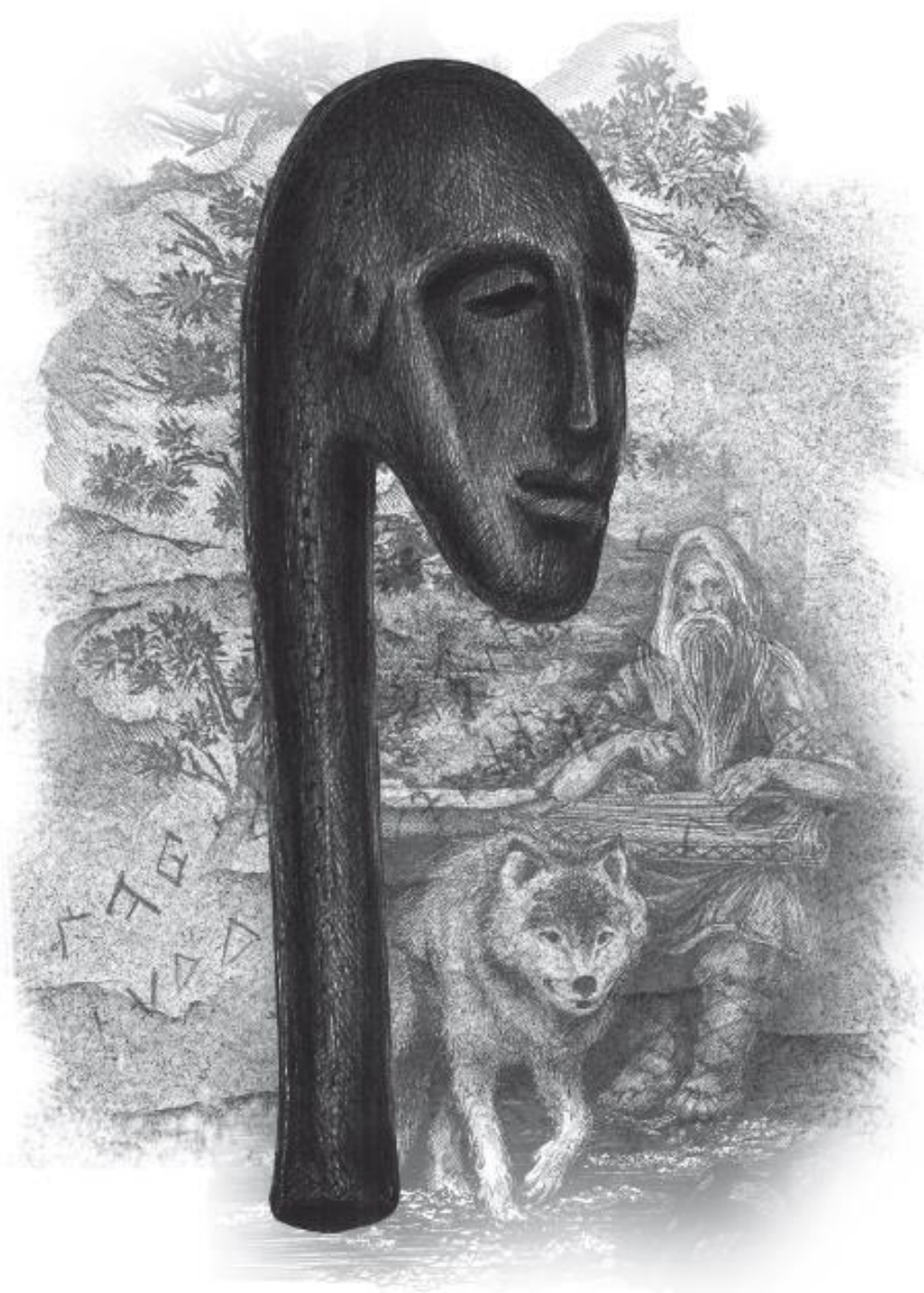
После того как все было закончено, Тригла прикрепила крылья к телу Триглава и тот легко, как птица, взлетел на воздух.

– Слушай, что я скажу тебе, – обратилась затем Тригла к мужу, – лети осторожно, потому что, если ты спустишься слишком низко, твои крылья могут намокнуть в морской воде, и ты упадешь в волны. Но тебе следует также беречься и от солнца и не залетать слишком высоко, так как его лучи могут растопить воск, скрепляющий перья.

Обретя крылья, Триглав стал даже днем летать к жене. Ведь теперь лучи солнца не могли настигнуть его.

Но вот однажды, когда жилище Триглы уже было близко, Триглав, упоенный благополучным полетом, неосторожно направился ввысь.

Близкое солнце растопило скреплявший крылья воск. Распавшиеся, они бессильно повисли на плечах бога и не могли больше сопротивляться ветру, и тот упал в море.

Рогатый пастух звездных стад

Бог Велес, как и его отец Триглав, стал покровителем ночного времени суток и тайной мудрости. На земле он оборачивался медведем или змеей, а на небе – луной.

Велес, с рогами, острыми звериными ушами и золотым месяцем в руках, выступал как рогатый пастух звездных стад. Волосыни, или Плеяды, одно из самых ярких созвездий, было его пристанищем в верхнем мире.

Велес отличался буйным характером, склонностью к чародейству и злым проказам над богами. Он мог насылать болезнь, от которой кожа желтела и становилась как золото.

Странствуя между мирами, Велес летал орлом в небе, бегал по земле волком, скакал по мировому ясеню белкой-мышью. Племянник Световида никогда не расставался с тремя вещами: плащом из медвежьей шкуры, гусями из конского черепа и амулетом-наузом в виде металлического браслета на запястье. Однако мрачная внешность совсем не вредила успеху Велеса у богинь и смертных женщин. Рассказывают, что в числе его возлюбленных была даже сама богиня Сива. Находятся такие, кто считает Велеса и Сиву настоящими родителями Мораны.

У Велеса как повелителя Нави имелась своя свита, в которую входили слуги – Волос и Зицень. Бородой Волоса служил несжатый последний пучок колосьев. Зицень имел облик низкого, худого, сгорбленного старика с тремя глазами в лохматой одежде.

Велес, Ния и их дети

Полновластной хозяйкой Нави была сестра и супруга Велеса – богиня Ния, или, как ее еще называли, Вела. До того как Сварог не воздвиг светлый Ирий, мертвые, все без разбора, прямиком отправлялись к Велесу.

В своих молитвах люди просили Нию отвести в лучшие места преисподней души покойников. Под началом Нии находились стаи навей – птиц с женскими головами. Верили, что в них живут души умерших.

Ния любила чудесные песни и могла увлечь человека в безумный, доводящий до смерти, танец. Богиня летала в железной ступе с огненной метлой. Там, где она проносилась, бушевал ветер, стонала земля, выли звери и прятался скот. Ее всюду сопровождали две прекрасные девы, вестницы скорби и печали – Карна и Желя, а также уродливая служанка Паландра.

Ния была могущественной колдуньей. Ей как повелительнице загробного мира подчинялись злые духи, вороны, черные коты, змеи, жабы. Она сама могла оборачиваться змеей, кобылой, деревом, вихрем.

Кроме Паландры, Нии служили три всадника: черный, белый и красный, олицетворявшие ночь, день и солнце. С помощью мертвой головы поверженного в битве великана Болота Ния могла повелевать дождем.

А теперь пришло время рассказать о детях Велеса и Нии.

Зелу, старший из сыновей, имел вид человека из золота, сидящего на троне. Чтобы заслужить расположение этого бога, следовало бросить в огонь обрезанные волосы и ногти.

Порвата выглядела как красивая женщина с соблазнительным лицом, с зеленью или колосями на голове. Она отличалась необыкновенной прозорливостью. Порвата повелевала весной, что неудивительно, ведь именно в это время года острее всего ощущается голод после того, как подходят к концу зимние припасы.

У Нонцены был плащ, расшитый звездами. Нонцена славилась кротким и тихим нравом. Возможно поэтому она, единственная из дочерей Нии, так полюбилась Световиду.

Дирцея представлялась в образе нагой девушки. Ее глаза были игривы и полны соблазна, тело белоснежно. На месте левой груди находился луч или пылающий факел. Сзади тело раскрывалось так, что можно было увидеть бьющееся сердце.

Братья-близнецы Мерот и Радамаш имели вид юношей с острыми косами. Мерот помогал провести душу усопшего светлым путем, а Радамаш определял его посмертную участь.

А вот что известно о детях Велеса от великанши Волоты, дочери исполина Болота, сына самого Иесы.

Трехголовый змей Тасан, или Смок, иногда представлялся в виде великана на вороном коне.

Старуха-людоедка Яга, или Ендза, во всем напоминала свою мачеху Нию.

Великанша Одноглазое Лихо походила на высокую худую женщину.

Демон Флинц был подобен мертвецу – бледный, с черными кудрями, одетый в длинный плащ красного цвета. В правой руке он держал факел – шест с горящим пучком колосьев. Говорили, что Флинц – это и есть Чернобог, владыка смерти. Чаще всего он являлся в виде ожившего остова. На левом плече у Флинца сидел лев, опирающийся двумя передними ногами на голову, одной задней – на плечо, а другой – на руку демона. Потому славяне думали, что этот лев принуждал их к смерти.

Дабы отвести от себя Чернобога, во время возлияний пирующие пускали вкруговую жертвенную чашу, произнося при этом охранительные заклинания.

Говорят, с Волотой Велес сошелся после ссоры со своей женой Нией. Оттого-то дети звероухого бога от великанши получились такие страшные...

Небесная семья Сварога и Лады

Заключив между собой союз, Сварог и Лада породили Радегаста, Ладона, Морану, Талаку, Перуна, Летницу и Дзидзелию, а также близнецов Леля и Полеля.

Лада, мать сырой земли, считалась богиней земных плодов. Основанием ее трона служила ограда небесного дворца, а голову венчала золотая корона. Зимой Лада облачалась в платье из белоснежных перьев, а летом – в зеленые и желтые одежды, украшенные венками из трав и колосьев.

За спиной у Лады росли крылья, так, что она могла закрывать ими свои глаза. Лада владела четырьмя большими полями, на которых произрастало все, что нужно для жизни на земле. Кроме того, Ладу знали как большую мастерицу. Она пряла и ткала, готовясь выдать своих дочерей замуж.

Лада являлась предводительницей обрядовых игрищ. Она собирала цветы для венков и просила у Сварога хорошей погоды на Купальскую ночь.

Кроме того, Лада возглавляла целый сонм прекрасных крылатых дев – вил²⁸. Последних еще называли самовилами, орисницами или самодивами. Вилы считались добрыми существами, но могли жестоко отомстить человеку за причиненное им зло.

Вилы представлялись стройными очаровательным девушкам с длинными (иногда до земли) распущенными волосами и крыльями. Они были одеты в длинные волшебные платья.

У некоторых вил ноги были козьи, лошадиные или ослиные, которые закрывала одежда. Вилы особенно благоволили к мужчинам, помогали также обиженным и сиротам. При этом, охваченные гневом, вилы могли убить одним взглядом. Вилы обладали целительными способностями, предсказывали смерть, но и сами не были бессмертными.

Вилы летали как птицы и жили на небе или в горах. Там они владели колодцами и озерами, «запирая» воды.

Говорили, что, если отнять у вилы крылья, она потеряет способность летать и станет простой женщиной. Этим нередко пользовались молодые мужчины. Они отбирали у вил крылья, а затем брали в жены. Но такой брак никогда не заканчивался удачно. Рано или поздно вила обманом и хитростью выманивала свои крылья обратно и улетала. Дети, рожденные в таком браке, часто оставались брошенными на отца. Но иногда вила-мать могла забрать ребенка с собой.

По болгарским поверьям, вилы появлялись преимущественно весной и летом, любили большие праздники.

В болгарской народной поэзии встречалось упоминание о юдах – вилах, отличающихся враждебным отношением к людям. Первоначально слово «юда» имело различные значения: могучая, коварная, вертлявая, сварливая, злобная. В дальнейшем юда стала синонимом слов вила, само-дива, самовила.

Вилы могли встретиться ночью и исчезнуть на рассвете. Они были одеты в подвенечные платья. Их головы украшали венки, а пальцы – золотые кольца.

*Из ущелий черных
Вылетели тени —
Белые невесты:*

²⁸ О древнерусских вилах сохранилось очень мало сведений. В основном это всевозможные поучения против язычества, некоторая переводная литература. Фактически все, что о них известно, умещается в одной цитате. «Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере» (XI в.): «вил... числом тридевять сестер, как говорят невежды, и мнят их богинями, и так кладут им требы, и кур режут». Здесь тридевять – двадцать семь, что соответствует трем девятидневным неделям и продолжительности лунного месяца.

*Широко в полете
Веют их одежды,
Головы и тело
Дымкою покрыты,
Только обозначен
В них лучом румяным
Очерк лиц и груди²⁹.*

Чехи почитали вил как лесных духов. Имелись и храмы, посвященные чудесным девам: в Вилице, возле Табора, в Вилове, возле Домажлиц, и в Вилине, возле Седльчан. Хорваты поклонялись вилам в Бела Крайне.

Мнили, что название вила произошло от слов веять, вихрь, воздух, ветер.

Как уже говорилось о том выше, вилы были духами природы. Вилы могли уничтожить посевы, но могли и помочь герою, даровав ему различные волшебные предметы, ездовых животных. Они также могли проявлять воинские способности.

²⁹ Стихи Г. Гейне в переводе А. Майкова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.